

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ**

На правах рукописи

БАТАЛОВА Раиса Михайловна

**ДИАЛЕКТНАЯ СИСТЕМА КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО
ЯЗЫКА И ЕЕ РАЗВИТИЕ В СРАВНИТЕЛЬНОМ И
АРЕАЛЬНОМ ОСВЕЩЕНИИ**

Специальность 10.02.07. - Финно-угорские языки

**НАУЧНЫЙ ДОКЛАД,
представленный в качестве диссертации
на соискание ученой степени
доктора филологических наук**

МОСКВА 1998

Работа выполнена в Институте языкознания РАН

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор В.В. Кельмаков

доктор филологических наук, профессор Е.А. Игушев

доктор филологических наук, профессор Д.М. Насилов

Ведущая организация - Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

Защита состоится « ____ » _____ 1998 г. в ____ ч. на заседании диссертационного совета Д 002.17.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при Институте языкознания РАН по адресу:

103009, Москва, Большой Кисловский пер., 1/12

С диссертацией в виде научного доклада можно ознакомиться в библиотеке Института языкознания РАН.

Диссертация в виде научного доклада разослана

« ____ » _____ 1998 г.

Ученый секретарь диссертационного совета Д 002.17.02
доктор филологических наук

А.А. Чеченов

ВВЕДЕНИЕ

Работы, представляемые на защиту

В предлагаемом научном докладе «Диалектная система коми-пермяцкого языка и ее развитие в сравнительном и ареальном освещении» подводятся итоги 30-летних исследований по изучению диалектной системы коми-пермяцкого языка, отраженные в монографиях и статьях (см. список) автора по данной проблематике общим объемом 110 авт. листов.

На защиту в качестве докторской диссертации по совокупности опубликованных научных работ представляются основные положения автора по вопросам коми-пермяцкой диалектологии в сравнительном и ареальном освещении с выходом в необходимых случаях в общекومی диалектологию. Результаты исследований в наиболее полном виде опубликованы в следующих монографиях автора и в разделах коллективных трудов Института языкознания РАН:

- I. Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология. — Монография. М., 1975, с. 252.
- II. Баталова Р.М. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми языки). — Монография. М., 1982, —164 с.
- III. Баталова Р. М. Унифицированное описание диалектов уральских языков. Оньковский диалект коми-пермяцкого языка. — Монография. М., 1990, — 204 с.; 2-е факс. изд. Гамбург, 1991.
- IV. Баталова Р. М. Унифицированное описание диалектов уральских языков. Нижнеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка. — Монография. Москва-Гамбург, 1995, — 200 с.
- V. Баталова Р. М. Разделы: «Пермские языки», «Коми-зырянский язык», «Коми-пермяцкий язык» в кол. труде Ияз РАН «Языки мира. Уральские языки». М., 1993, с. 214-239.
- VI. Баталова Р. М., Кривошекова - Гантман А. С. Коми-пермяцко-русский словарь (27000 слов). М., 1985, — 624 с.

Регионы исследования.

Историко-лингвистическая справка.

Коми-пермяцкий язык — один из наиболее поздно сформировавшихся финно-угорских языков пермской ветви, хотя его истоки восходят к глубокой древности. Согласно генеалогической классификации, финно-угорский язык - основа в конце III тыс. до н. э. распался на две ветви: праугорскую — язык-основу предков современных венгров и обских угров (ханты и манси), и финно-пермскую

языковую общность, просуществовавшую до середины II тыс. до н. э., когда из нее выделилась пермская ветвь с общепермским языком древних пермян, праязыком современных пермских народов — удмуртов, коми-зырян и пермяков. Древние пермяне долгое время занимали территорию в бассейнах р. Вятки, среднего и нижнего течения Камы. В VI-VII вв. н. э. происходит сначала естественное расселение части пермян (племен коми) в сев.-вост. направлении в поисках новых охотничьих и рыболовных угодий, а в VII в. — миграция под давлением хлынувших из южно-русских степей в Поволжье и в бассейн Нижнего Прикамья булгарских племен, оттеснявших аборигенов этого края. В VII-VIII вв. на территории волжских и пермских финно-угорских народов образовалось Булгарское государство, в состав которого вошла южная часть пермян — южный диалект пермского праязыка, потомком которого является удмуртский язык, испытавший сильное булгарское (древнечувашское) влияние; северный же диалект, легший в основу общекоми языка, был затронут булгарским влиянием в меньшей степени. Примерно к IX в. коми племена Верхнего Прикамья утратили непосредственную связь с удмуртами и булгарами. Произошел окончательный распад пермского праязыка на древнеудмуртский и древний (обще)коми языки.

Древний общекоми язык образовался изначально на базе двух этнически близких племенных группировок — зырянской и пермяцкой, представлявших два диалекта единого общекоми языка. В процессе дальнейшей миграции части коми племенных группировок на север, на территорию нынешней Республики Коми, происходит территориальное размежевание общекоми народа, ослабление и утрата связей между его северной (зырянской в своей основе) и южной (пермяцкой) частями. В бассейне рек Вычегды, Мезени и Лузы постепенно складывается своя культура, формируются характерные особенности коми-зырянского языка, а на более южных территориях, население которых не мигрировало, оставаясь в местах своего обитания, формируются конституирующие особенности строя коми-пермяцкого языка.

Окончательное сложение коми-зырянского и коми-пермяцкого языков относится к более позднему времени — к XIV-XV вв., к периоду образования русского княжества Перми Великой (на Каме), покоренной Москвой в 1472 г., и княжества Малой Перми (на Вычегде) с центром в Усть-Выми. Так сформировались современные финно-угорские языки пермской ветви: удмуртский, коми-зырянский и коми-пермяцкий. Два последних образовали коми подветвь пермских языков.

Современные пермские языки все литературные. Общая численность пермских народов (перепись 1989 г.): удмуртов —

747 тыс. чел., коми-зырян — 344,5 тыс. чел., коми-пермяков — 152 тыс. чел. Основная масса пермских народов проживает в пределах своих титульных национально-государственных образований: удмурты — в Удмуртской Республике, коми-зыряне — в Республике Коми, коми-пермяки — в Коми-Пермяцком автономном округе. Определенная, незначительная часть пермского населения в силу исторических причин проживает и за пределами титульных территорий. В частности, пермяки примерно до XI-XII вв. занимали значительную территорию на Среднем Урале. Позднее, в связи с усилившимся притоком русского населения на редконаселенные пермяцкие земли, а также в связи с освоением Западного Урала промышленниками Демидовыми, Строгановыми, Всевожскими и др., многие пермяцкие волости постепенно обрусели, а сумевшие сохранить свой язык и культуру пермяки ныне занимают лишь незначительную часть бывших земель Пермь Великой — территорию нынешнего Коми-Пермяцкого автономного округа. При учреждении округа в 1925 г. за пределами его границ оказались две небольшие по численности (по 4-5 тыс. чел.) компактные группы пермяцкого населения: а) верхнекамские, или «зюздинские» пермяки в сев.-вост. части Кировской области (Афанасьевский, бывш. Зюздинский р-н) и б) красновишерские, или язвинские пермяки в сев.-вост. части Пермской области по среднему течению р. Язьвы, южн. притока р. Вишеры (Красновишерский р-н).

К вопросу о терминологии. 1. Не нарушая установившейся в коми языкознании традиции, в том числе и диалектологии, автор доклада вынужден был пользоваться общепринятой терминологией, касающейся наименований языков, наречий, диалектов, говоров коми подветви пермских языков и соответственно этнонимов их носителей с приставкой «коми-»: коми-пермяцкий — коми-пермяки, коми-зырянский — коми-зыряне, коми-язвинский — коми-язвинцы. Однако при этом следует учитывать условность такой терминологии, которая искусственно была введена в научный обиход в 1920-х годах и исходила из неадекватной концепции единого, но этнически неоднородного коми народа с общекоми языком и территориальными диалектами. Как следствие — введение искусственных этнонимов: коми-зыряне, коми-пермяки, коми-язвинцы, коми-зюздинцы, хотя соседним народам они были известны по их самоназваниям: зыряне и пермяки (в т. ч. и язвинские пермяки, и верхнекамские, или кировские пермяки), т. е. без приставки «коми-». Концепция общекоми языка в 20-е годы могла бы быть оправданной слабой изученностью, зачаточным состоянием коми языкознания и недостаточной теоретической подготовкой местных научных кадров, не учитывав-

ших, что период существования общекоми языка в Верхнем Прикамье после разрыва связи с удмуртами закончился с исходом северной (зырянской) племенной группировки на территорию нынешней Республики Коми. Начался период самостоятельного развития двух территориально разделенных наречий общекоми языка, в течении которого диалектные различия нарастали, вырабатывались свои специфические особенности, реализовывались различные тенденции и инновации, что в конечном итоге к XIV-XV вв. привело к образованию двух близкородственных самостоятельных языков: на территории княжества Перми Великой — пермяцкого языка, а на территории Малой Перми — зырянского языка. Игнорировать эти реалии исторического развития языков и проецировать древний общекоми период на современную языковую ситуацию — было бы неправомерно. Однако эта неадекватная оценка языковой ситуации в коми подветви пермских языков удерживалась весьма длительное время и существенно отразилась на отставании в изучении, прежде всего, диалектов пермяцкого языка. Даже такой известный исследователь пермяцких диалектов, как проф. В. И. Лыткин, в середине 70-х гг. XX в. в коллективном труде института языкознания АН СССР «Основы финно-угорского языкознания», т. III (1976) считал пермяцкий язык одним из наречий (обще)коми языка: «Многочисленные говоры населения, именующего свой язык коми, объединяются в три наречия: коми-зырянский, коми-пермяцкий и коми-язьвинский. На базе первых двух наречий после Октябрьской революции развились самостоятельные литературные языки: коми-зырянский и коми-пермяцкий. Коми-язьвинцы в количестве около 5000 чел. в переписи 1959 и 1970 гг. значатся русскими» (с. 106).

Более того, даже в середине 1990-х гг. в справочнике «Государственные языки Российской Федерации» (М., 1995, с. 109) сыктывкарский автор Г. В. Федунева, очевидно, некритически опираясь на авторитет предыдущего высказывания и не приводя никаких доводов, возводит по аналогии с двумя упомянутыми наречиями в ранг самостоятельного языка и коми-язьвинское наречие, образуя вместе с зырянским, пермяцким и удмуртским языками пермскую ветвь финно-угорских языков, хотя давно и бесспорно наукой доказано, что пермская ветвь представлена только тремя современными литературными языками — удмуртским, (коми-) зырянским и (коми-) пермяцким. В. И. Лыткин считал язык коми-язьвинцев то диалектом (см. его «Коми-язьвинский диалект», М., 1961), то наречием (Осн. ФУЯ, т. III, с. 106) (обще)коми языка. Автор предлагаемого доклада в монографии «Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми языки)» (М., 1982) показала, что язык язьвинских пермяков по своим основным параметрам

является одним из четырех наречий коми-пермяцкого языка, хотя долгое время развивается в изоляции, чем и объясняются его специфические особенности.

2. Решая проблему классификации коми-пермяцких диалектов, важно было в первую очередь упорядочить употребление терминологии в иерархии территориальных разновидностей диалектной речи пермяцкого населения. В этой области наблюдались значительный разнореч и неразбериха. Термин «говор» мог употребляться как для обозначения самой мелкой территориальной разновидности речи, так и в значении диалекта. Совокупность говоров могла означать и наречие и диалект и т.д. В работах автора доклада термин «говор» означает мелкую территориальную разновидность. Группа говоров, имеющих ряд одинаковых черт, называется диалектом. Термин «наречие» употребляется для обозначения совокупности диалектов или говоров, обладающих общими основными чертами с учетом территориальной общности.

Актуальность тематики, цели и задачи исследований. Выбор проблематики был обусловлен настоятельной научной и практической необходимостью активизировать изучение диалектов коми-пермяцкого языка. Здесь в области диалектологии к 1960-м годам наиболее остро проявились отставание и нехватка кадров, отсутствовала научная база. В конце 20-х годов в г. Сыктывкаре была образована «Комиссия по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка». Естественно, что эта работа была в первую очередь сосредоточена на изучении «своих» зырянских диалектов, а «периферийные», пермяцкие диалекты изучались лишь эпизодически, бессистемно, что обрекло коми-пермяцкую диалектологию на застой. Для сравнения укажем, что к 60-м годам было в основном завершено фронтальное изучение диалектов коми-зырянского языка, что позволило уже в 1961 г. подготовить и издать «Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов» (Сыктывкар, 1961). Поэтому первоочередной и наиболее актуальной задачей в области коми-пермяцкой диалектологии явилось более детальное изучение диалектов южного наречия и фронтальное изучение диалектов северного наречия пермяцкого языка с целью разработать научно обоснованную классификацию, иерархию и статус диалектных образований коми-пермяцкого языка, попутно упорядочить терминологию в этой области. Начиная с 1962 г. автор доклада приступила к выполнению этой комплексной работы, результаты которой выразились в публикации монографии автора «Коми-пермяцкая диалектология» (М., 1975), завершившей первый этап ее научных исследований.

На втором этапе исследований, завершившимся публикацией

монографии «Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми языки)» (М., 1982) был предпринят первый опыт описания диалектных явлений, распространенных не только на территории коми-пермяцкого языка, но и по всему ареалу коми (пермяцкого и зырянского) языков как подготовительный этап к составлению диалектологического атласа всей пермской ветви финно-угорских языков — удмуртского, коми-зырянского и коми-пермяцкого.

Третий этап научной работы автора связан с участием в Международном проекте по фронтальному изучению и монографическому описанию диалектов уральских (финно-угорских и самодийских) языков по единой программе. Во время проведения VI Международного конгресса финно-угроведов (г. Сыктывкар, август 1985г.) по инициативе академика ВАН Петера Хайду, под председательством директора фин-но-угорского НЦ Гамбургского университета проф. Вольфганга Феенкера (ФРГ) состоялось совещание инициативной группы языковедов четырех стран — Венгрии, России, Финляндии и ФРГ. От ИЯз АН СССР принимали участие: акад. Б. А. Серебренников, зам. директора к.ф.н. Ю. С. Елисеев и проф. К. Е. Майтинская. В соответствии с «Инструкцией по единообразному описанию диалектов уральских языков», разработанной в секторе финно-угорских языков К. Е. Майтинской в сотрудничестве с В. Феенкером, опубликованной под редакцией Ю. С. Елисеева и утвержденной специальной Международной комиссией в Будапеште в 1988 г., автор доклада подготовила и опубликовала первую монографию по международному проекту — «Оньковский диалект коми-пермяцкого языка» (М., 1990). Монография была разослана по заинтересованным научным центрам России в качестве образца для последующих аналогичных изданий по другим диалектам уральских языков. В 1991 г. в Гамбурге было опубликовано факсимильное издание этой монографии для рассылки по странам дальнего зарубежья, а автор доклада продолжила работу по международному проекту, подготовила и опубликовала вторую монографию — «Нижнеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка» (Москва-Гамбург, 1995). В 1997 г. завершена третья монография по южному наречию — «Кудымкарско-иньвенский диалект коми-пермяцкого языка». В целях активизации исследований по диалектам северного наречия под научным руководством автора подготовлена и защищена в 1993 г. кандидатская диссертация целевой аспирантки ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН А. С. Лобановой на тему «Кочёвский диалект коми-пермяцкого языка».

Методы исследования. В процессе работы использовались различные методы лингвистического исследования в зависимости от целей и задач конкретной темы. Так, на первом этапе исследований автора, когда ставилась задача дать уточненную, научно-обоснованную классификацию диалектов коми-пермяцкого языка и их фонетических, морфологических и лексических особенностей (монография 1) использовались методы синхронического и диахронического анализа диалектного материала с приемами сравнительного сопоставления одноплановых явлений в структуре языка. На втором этапе исследования (в монографии 2) ставились задачи территориальной распространенности изоглоссных явлений в ареале двух коми языков (пермяцкого и зырянского), установления зон инноваций и «центров» таких явлений, путей и темпов их распространения и т.д. — использовались методы ареальной лингвистики. На третьем этапе ставилась задача углубленного изучения и максимально полного описания диалектов пермяцкого языка по унифицированной программе (монографии 3, 4) методами дескриптивной лингвистики и полевых исследований (прямой опрос информантов, магнитофонные записи, проверка языковых материалов и т.д.). В условиях слабой изученности и недостаточности публикаций материалов по коми-пермяцкой диалектологии методы полевого сбора материала (особенно по темам 1 и 3, 4) занимали весьма существенное место и были определяющими в ежегодных научных командировках автора по диалектным ареалам коми-пермяцкого языка.

Источники исследования с их краткой характеристикой. Первые письменные источники XVIII в. по коми-пермяцкому языку дошли до нас в виде рукописных словарей и списков слов (часто наряду с удмуртскими, зырянскими, марийскими и словами др. языков) в записках ученых-путешественников и участников научных экспедиций по изучению отдельных районов России: Г. Ф. Миллер (1758), И. Фишер (1768), акад. Лепехин (1780), П. С. Паллас (1787). Из них первым и наиболее значительным по объему (ок. 2500 слов) и содержанию является «Краткий пермский словарь с российским переводом, собранный и по разным материалам расположенный...» пермского протоиерея Антония Попова (1735). К словарю приложены: «Реестр российских речений из пермского словаря» и «Примечания... к грамматике пермского языка, составленные с помощью некоторых пермяков, знающих российский язык». Анализ памятника показал, что в нем представлен припермский диалект, некогда распространенный на юго-западе от Чердыни и Оней, имевший значительные сходства с ныне нердвинским диалектом. Известны также несколько словарей XIX в., рукописи которых хра-

няются в библиотеках и в Центральном государственном архиве Татарстана, в Казани (см. статью автора «Рукописные словари XVIII-XIX вв.». Из последних заслуживают внимание два словаря: «Лексикон пермского языка...» (1828; 4,5 тыс. слов) иерея Г. Чечулина и «Русско-пермяцкий словарь» (1848; 3,5 тыс. слов), составленный в г. Усолье, автор рукописи неизвестен, лексические данные этих трех словарей (включая словарь А. Попова) важны для истории пермских языков, т.к. в них зафиксированы языковые данные трех ныне уже не существующих диалектов и диалектной лексики, неизвестной современному коми-пермяцкому языку.

В ЦГА Татарстана хранится рукопись первой коми-пермяцкой грамматики «Краткие грамматические правила, принадлежащие к знанию пермяцкого языка» (1838) соликамского протоиерея Федора Любимова. В работе по образцу русской грамматики выделяется восемь частей речи (имя, местоимение, глагол, причастие и т.д.) и шесть падежей, но особую ценность представляет лексический материал и наименования монет от 1 до 1000 рублей на коми-пермяцком языке, отдельные словосочетания и выражения.

Живые формы кудымкарско-иньвенского диалекта середины XIX в. и его основная грамматическая характеристика зафиксированы в работах Н.А.Рогова, положивших начало серьезному изучению коми-пермяцкого языка: его достаточно полная грамматика «Опыт грамматики пермяцкого языка» (1860), где приводятся также данные и нердвинского диалекта, и его же «Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь» (1869, около 13 тыс. слов), в котором представлена лексика кудымкарско-иньвенского и нердвинского диалектов. Этот словарь вплоть до выхода в свет нашего (в соавторстве с А. С. Кривошеко-вой-Гантман) «Коми-пермяцко-русского словаря» (М., 1985, ок. 27000 слов) был самым полным и единственным печатным лексикографическим источником по языку камских пермяков. Учитывались также некоторые данные по пермяцкой лексике в коми-зырянских словарях конца XIX в. и первой половины XX в. (Подробнее см. I, с. 7-10).

В советский период в 20-30-е годы основное внимание было обращено на установление норм литературного коми-пермяцкого языка, когда за норму были приняты основные характеристики кудымкарско-иньвенского диалекта после первой неудачной попытки сблизить эти нормы с более продвинутым литературным коми-зырянским языком, в основу которого был положен присыктывкарский диалект. Кроме того, все эти годы и даже в 40-х годах приоритетными были практические задачи по созданию учебной литературы, в которой нуждались школы. Таким образом, научное изучение диалектов коми-пермяцкого языка долгое время оставалось в тени,

что и обусловило отставание в этой области, в частности, от коми-зырянской диалектологии, хотя отдельные ученые и в этот период занимались изучением ряда диалектов, сбором диалектного материала. Так, в 1928 г. Г. А. Нечаевым был собран материал по верхнекамскому наречию — языку кировских пермяков, т.н. «зюздинцев», а в 1929 г. — кочёвскому диалекту (северное наречие коми-пермяцкого языка), опубликованный в двух статьях: «Характеристика зюздинского диалекта коми языка» и «Отношение окружного коми литературного языка к северным диалектам Коми округа» в «Сборнике комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка» (Сыктывкар, вып. I, 1930, вып. II, 1931).

В 1950-е годы вновь возрождается интерес к изучению диалектов коми-пермяцкого языка, но уже по инициативе ученых Института языкознания АН СССР и прежде всего проф. В. И. Лыткина, работы которого явились важным источником для продолжения исследований автора доклада по теме «Коми-пермяцкая диалектология» (монография I). Из работ В. И. Лыткина наибольший интерес представляли «Историческая грамматика коми языка», ч. I (Сыктывкар, 1957) и «Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам» (М., 1955), а также его разделы в учебниках для вузов по коми-зырянскому и коми-пермяцкому языкам. В частности, в «Диалектологической хрестоматии по пермским языкам» зафиксированы некоторые черты северной диалектной группы (северного наречия коми-пермяцкого языка) и верх-лупьинского диалекта.

Учитывались некоторые данные кандидатской диссертации А. С. Кривошековой-Гантман (1951), в которой основное внимание уделено вопросам словарного состава и словоизменению в иньвенских диалектах коми-пермяцкого языка (южное наречие). Известно, что определенная работа по сбору диалектного материала проводится студентами коми-пермяцкого отделения Пермского пединститута, но они, к сожалению, не публикуются.

Перечисленные работы предшественников анализировались и были использованы при необходимости в зависимости от целей и задач исследования автора доклада на каждом конкретном этапе. Однако эти источники оказались далеко недостаточны и основным источником явились материалы собственных полевых исследований автора, проводившихся ежегодно на протяжении 30 лет.

Научная новизна исследований автора определилась слабой изученностью проблем коми-пермяцкой диалектологии и ареалогии, поэтому многие вопросы в этой области ставятся впервые. Так, в монографии «Коми-пермяцкая диалектология» (I) впервые поставлена и решена проблема научно обоснованной классификации диа-

лектов и наречий коми-пермяцкого языка. Монография «Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми языки)» (2) представляет собой первый опыт ареального исследования и выявления отдельных изоглосс в области фонетики и морфологии на материале диалектов коми-пермяцкого и коми-зырянского языков. Монография «Онъковский диалект коми-пермяцкого языка» (3) — первая монография международного проекта «Унифицированное описание диалектов уральских языков», рекомендованная в качестве образца для последующих исследований по диалектам финно-угорских (уральских) языков. И наконец, «Коми-пермяцко-русский словарь» (6), подготовленный в соавторстве А. С. Кривошековой-Гантман — первый самый полный за последние 130 лет двуязычный словарь современного коми-пермяцкого языка (27 тыс. словарных статей), подготовленный по самым строгим правилам лексикографии.

Практическая значимость работ. На основе монографических исследований разработаны и читаются курсы «Введение в коми-пермяцкую диалектологию» и спецкурсы по ареальной коми лингвистике, которые автор читала для студентов по приглашению Пермского госпединститута в 70-80-е и в начале 90-х годов. Монографии, представленные к защите, используются в качестве учебных пособий студентами и на курсах повышения квалификации учителей.

Апробация. Представленные на защиту монографические исследования и разделы в коллективных трудах (1-5) выполнялись по плану НИР Института языкознания РАН, прошли рецензирование и первичную апробацию в секторе финно-угорских языков, и по его рекомендации были утверждены к печати Ученым советом ИЯЗ РАН. Основные положения исследований автора апробированы также в виде научных докладов на всесоюзных региональных конференциях и симпозиумах финно-угроведов, проводившихся в Петрозаводске, Ужгороде, Сыктывкаре, Ижевске, Саранске, Йошкар-Оле, на Международных конгрессах финно-угроведов в Хельсинки (1965), Таллине (1970), Будапеште (1975), Турку (Финляндия, 1980), Сыктывкаре (1985), Дебрецене (Венгрия, 1990), Ювяскюля (Финляндия, 1995). Вопросы изучения коми-пермяцких диалектов и их отношение к литературному языку обсуждались автором доклада на ряде научно-практических конференций и лекций в Коми-Пермяцком автономном округе. Основные положения исследований автора отражались также в статьях (см. список публикаций).

Основное содержание работ по циклам исследований

Представленные на защиту монографические работы и статьи автора доклада объединяются в четыре цикла:

- Вопросы современной научной классификации коми-пермяцких диалектов;
- Вопросы ареального исследования коми (пермяцкого и зырянского) языков;
- Синхроническое исследование коми-пермяцких диалектов;
- Вопросы изучения коми-пермяцких диалектов и их отношение к литературному языку.

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ КОМИ-ПЕРМЯЦКИХ ДИАЛЕКТОВ

Основной работой этого цикла является монографическое исследование автора «Коми-пермяцкая диалектология» (I), посвященная синхронному и диахроническому изучению диалектов коми-пермяцкого языка с целью дать их современную, научно обоснованную классификацию и положить начало углубленному фронтальному изучению их особенностей. Исследование проведено по диалектам трех наречий: северного, южного и верхнекамского, которые специальному изучению не подвергались. Четвертое наречие — коми-язьвинских пермяков, близкое к ним по морфологическим, лексическим особенностям и по системе ударения, в работе не рассматривается, поскольку его изучению посвящена монография В. И. Лыткина под названием «Коми-язьвинский диалект» (М., 1961).

Характерной особенностью исследования является то, что классификация современных диалектов основана не на какой-либо одной фонетической особенности (напр., в русском — оканье, аканье, яканье), а на комплексе фонетических и морфологических характеристик, что обеспечивает более адекватную классификацию коми-пермяцких диалектов. При этом прослеживаются различные ступени развития и степень распространенности позднейших явлений, которые еще не имеют стабильного характера, и делаются прогностические выводы о тенденциях их развития. Основное внимание обращается на новейшие явления в развитии языковой системы диалектов: судьба звуков **в**, **л** и **й**, пути морфологизации ударения, развития падежной системы и т. д. Собственно исследовательская часть работы изложена в четырех главах и завершается уточ-

ненной классификацией диалектов по трем наречиям коми-пермяцкого языка: северному, верхнекамскому и южному. Последующие исследования автора позволили включить в их число и четвертое наречие коми-пермяцкого языка – коми-язьвинское, наречие язьвинских пермяков.

В работе использованы отдельные сведения из имеющейся специальной литературы, рукописных памятников и данные соседствующих родственных и неродственных языков. Основой исследования послужили собственные наблюдения и диалектные материалы, собранные автором в течение 30 лет в полевых условиях во время ежегодных поездок к коми-пермякам с 1960 г.

Во вводной части работы (см. I) определяется место коми-пермяцкого языка в генеалогической классификации финно-угорских языков и географическое расселение в Коми-Пермяцком автономном округе, Кировской и Пермской областях, приводится схематическая карта, освещается история их расселения и дается справка по истории изучения коми-пермяцких диалектов в дореволюционный период (до 1917 г.) и после революции (с 20-х гг.).

СХЕМА
ДИАЛЕКТНОГО ДЕЛЕНИЯ
КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА



Проблематика, относящаяся к данному циклу, освещается также в статьях автора (№№ 13-17, 19-21).

Фонетические особенности коми-пермяцких диалектов

В диалектах и говорах коми-пермяцкого языка насчитывается 33 фонемы: а, б, в, г, д, дь, дж, ж, дз, з, зь, и, й, к, л, ль, м, н, нь, о, ө, п, р, с, съ, т, ть, тш, у, ч, ш, ы, э.

Фонетическая система пермяцких диалектов в настоящее время развивается и пополняется, главным образом, за счет усвоения из фонематического ряда русского языка звуков, отсутствующих в пермяцких диалектах. Основное внимание в этой главе обращено на относительно новые фонетические явления в процессе усвоения согласных и гласных в лексических заимствованиях из русского языка, а также на неравномерность их усвоения в пермяцких диалектах и говорах (см. I, с. 21-80). Изложенный материал показывает, что процесс этот – живой, происходящий на наших глазах и еще не заверченный. Прежде всего, это касается усвоения согласных **ф**, **х**, **ц**, **щ** и **рь** (палатальный).

Наиболее продвинут процесс усвоения **ф** и **х** в говорах верхнекамского наречия, хотя и имеются известные отклонения. Ср. телефон, конфетка, охота, сахар, но куфайка ‘фуфайка’, хирург ‘хирург’. В говорах северного наречия согласные **ф**, **х**, **ц**, **щ** регулярно передаются пермяцкими соответствиями **ф**>**п** (телефон>телепон, ферма>перма); **х**>**к** (хозяин> >козяин, сахар>сакар, охота>окота); **ц**>**ч** (цепь>чеп, улица>улича, купец>купеч); **щ**>**ш** (шш, тш); шука>шука, помощь>помош, ящик>яшшик, щека>тшөка. Аналогичные процессы наблюдаются и в южном наречии коми-пермяцкого языка.

В работе рассматриваются процессы неравномерного усвоения палатального **рь**. Общим для всех диалектов является палатализация твердого **р** перед йотованными гласными **ю** и **я** в начале и середине слова. В части говоров в конце слова употребляется твердый **р**: лекар, январ, буквар, кроме говоров верхнекамского наречия, где палатальный **рь** употребляется значительно шире: ср. писарь, лехарь (лекарь), прямо и т. д. В отдельных говорах южного наречия усвоение **рь** представлено непоследовательно (тряпка и трапка, рядом и радом), что свидетельствует о незавершенности процесса усвоения **рь** как в северных, так и в южных диалектах.

Наблюдается также тенденция к упрощению собственно пермяцкой фонетической системы за счет деаффрикатизации **дз**, **дж**, **тш** в некоторых говорах верхнекамского наречия: ср. жож(<джож) ‘пол’, эз ужал<уджал ‘не работал’, зюртө(<дзуртө) ‘скрипит’, ышкыны(<ытшкыны) ‘косить’. Аналогичные явления имеют место в некоторых говорах косинско-камского диалекта северного наречия, а также в нердвинском диалекте южного наречия.

Фонетические явления в области согласных

Необходимо подчеркнуть, что состав согласных звуков в коми-пермяцких диалектах в основном одинаков. Однако, в позиционном употреблении согласных **в** и **л** имеются существенные различия по диалектам и говорам.

Употребление согласных л-в как основной критерий определения типа диалекта говора. Коми диалекты (зырянские и пермяцкие) значительно различаются по употреблению согласных **л-в**, поскольку в разных диалектах и говорах звук **л** претерпел большие изменения: в одних он исчез (т. е. во всех позициях совпал с согласным звуком **в**); в других — лишь в конце слога (и слова) перешел в **в**; в третьих — древний **л** сохранился в первичном неизменном виде. Иначе говоря, цепочка звукопереходов имела вид $л > в > \emptyset$ (нуль звука), а переход $л > в$ означал утрату звуком **л** своей фонематичности. При этом указанный фонетический процесс звукопереходов реализовался постепенно, в одних диалектах раньше, в других — позже. Потенциальная возможность такой реализации была заложена в артикуляционной и акустической близости первичных согласных **л** и **в** (**в** билабиальный), на этой основе со временем в коми-зырянском языке выработалось три типа диалектов (говоров): 1) эловые говоры, сохранившие звук **л** в первичном виде во всех позициях; 2) вз-эловые со звукопереходом $л > в$ в середине слова перед согласными и в конце слова; 3) нуль-эловые говоры с заменой звука **л** удлинением гласного в конце слова или в середине перед согласным или же выпадением **л** в тех же позициях. (Подробнее см. 2, с. 59-70).

В коми-пермяцком языке по тому же фонетическому признаку **л-в** выделяются также три типа диалектов говоров: 1) эловый, совпадающий с коми-зырянским; 2) взовый (или безэловый), где **в** выступает в сильных позициях (начало слова и в середине после согласных и **й**), а в слабых позициях (середина слова перед согласными, конец слова, между гласными) выступают его (**в**) ослабленные варианты $в^o$, $\ddot{в}$, $\ddot{в}^o$ или он выпадает; 3) безвзовый тип, где **в** утратил свою фонематичность и может замещаться звуком **л** (Подробнее см. 2, с. 59-61). При этом два последних типа свойственны только пермяцким диалектам.

К группе эловых диалектов коми-пермяцкого языка относятся верхнекамское (кировские пермяки), коми-язьвинское (язьвинские пермяки), северное наречия и нердвинский диалект южного наречия.

В языке коми-пермяков нет вз-эловых, нуль-эловых и смешанных типов диалектов, как в коми-зырянском языке. В то же время различаются взовый (без-эловый) диалектный тип, к которому отно-

сятся два крупных диалекта южного наречия в бассейне р. Иньвы с ее притоками — нижеиньвенский и кудымкарско-иньвенский (со своими говорами), а также беззвовой диалектный тип, к которому относится оньковский диалект пермяцкого языка.

Коми лингвисты появление звука **в** на месте **л** относят к явлению чередования согласных звуков (см. ССКЗД, с. 467).

Причины перехода звука **л** в **в** (совпадение **л** с **в**) в научной литературе пока что не нашли удовлетворительного объяснения. По мнению В. И. Лыткина, общепермское начальное **в** сохранилось без изменения во всех диалектах пермских языков (см. «Историческая грамматика коми языка», ч. I). По мнению венгерского ученого Д. Фокоша-Фукса, вз-эловые, нуль-эловые и без-эловые диалекты появились около XVII в.; в начале XVIII в. они уже имелись на территории распространения языка коми. (Фокош-Фукс, 1963, с. 211-289). Очевидно, до этого вся территория обитания коми-зырян и коми-пермяков принадлежала эловым диалектам. О наличии же **в** в диалектах начала XVIII в. на месте **л** свидетельствуют памятники письменности того времени — работы Страленберга (1710 и 1722), Г. Ф. Миллера (40-е годы XVIII в.), П. С. Палласа (1787), Лепехина (1780).

Эзовые диалекты коми-пермяцкого языка характеризуются отсутствием фонемы **л** (твердого). Примеры: вун<лун 'день', выс<лыс 'хвоя', вокны<локны 'прийти', ковны<колны 'понадобиться', сыв<сыл 'талый', пöў и пöў°<пöв<пöл 'доска' и т. д. Появление **в** на месте **л** в эзовых диалектах был вызван комплексом взаимосвязанных причин, происшедших в фонетической системе южного наречия.

Наиболее сильны позиции звука **в** во всех иньвенских говорах в начале слова и в середине слова после согласных (см. подробнее I, с. 26-29). Примеры: вör 'лес', вон 'брат', вöтны 'догнать', пыртвыны 'заносить', кинвön? 'чей?', мортвön 'у человека' и др.

Вслед за расширением позиций звука **в** (за счет **л**) позднее в эзовых диалектах начался процесс сужения его позиций из-за ослабления артикуляционной базы данного звука. Наиболее слабой позиция звука **в** оказалась в положении между гласными: в одних говорах он в большинстве случаев выпадает, в других — то выпадает, то сохраняется, ср.: коö и ковö 'надо', с'ыö и с'ывö 'поет', кыö и кывö 'слышит' и т. д. В позиции перед согласными и на конце слова чаще всего появляются варианты фонемы **в** — в°, ү, ү° и изредка ѵ (нуль звука) или же встречаются случаи удлинения предшествующего гласного. Ср. примеры из среднеиньвенского говора: пыравны>пырав°ны>пыраўны 'заходить', кывны>кыв°ны>кыў°ны 'слышать', сувда>суўда>суда 'высотой с', көв>көв> >көў>көў° 'опояска' и т. д. Появление того или иного варианта в середине слова перед со-

гласными и на конце слова иногда зависит от качества предыдущего гласного, например: поў° и по°(<пов) 'бойся', төв° и төў°, тө° 'зима, ветер', тыв°, тыў° и ты° 'перо (гусиное)', игнав°, игнаў и игнаў° 'закрой, прикрой', пев° и пеў 'большой палец' и др. (Знак (°) с правой стороны после гласного обозначает небольшое удлинение предшествующего гласного в результате выпадения последующего **в**). Случаи незначительного удлинения предшествующего гласного (чаще у, ы, о, ё) встречаются лишь в некоторых говорах нижеиньвенского диалекта и в оньковском диалекте. Ср. примеры из ареала аксеновского говора нижеиньвенского диалекта: ог ку°<ог кув 'не умру', оз о°<оз ов 'не проживает' и др. (см. I, с. 30).

Языковой материал взовых диалектов показывает, что процессы изменения звука **в** в разных позициях находятся на разных ступенях развития и по говорам представляют пеструю картину, что свидетельствует о действии живого процесса. Своего рода «центром» возникновения трансформации звука **в** следует считать район Средней Иньвы, поскольку в среднеиньвенском говоре звук **в** претерпел наибольшие изменения (см. I, с. 25-41).

Выпадение звука **в** в интервокальной позиции явилось одной из причин появления стечений гласных в коми-пермяцком языке (в взовых диалектах). Ср. южн. поа 'боюсь', воа° 'дышит', мааа 'глазу (по голове)', төись 'луна' и др. — с северными (соответственно) — пола, лолалё, малала, төлсь и др. Появление новой закономерности — стечений двух и более гласных звуков исключает возможность употребления вставочных звуков в положении между гласными (например, **в** и **й**). (См. I, с. 16, 43-44, 51-53).

Выпадение звука **в** между гласными в иньвенских диалектах южного наречия отразилось и на структуре некоторых суффиксов, содержащих звук **в**, ср.: лит. ветлывлы (вет+лывл+ы) — иньв. ветвыы (вет+вы+ы) 'ходи, навещай', лит. казытывлёма (казыт+ывл+ёма) — иньв. касьтыёма (касьт+ы+ёма) 'он вспоминал, оказывается'; лит. кёзовой (кёз+овой) — иньв. кёзоой и кёзоёй (кёз+оёй) 'еловый' и т. д. (см. I, с. 49; II, с. 58-81).

В русских заимствованиях взовых говоров звук **л** также отсутствует — он заменяется звуком **в**, который претерпевает в разных позициях те же изменения, что и в исконных словах. Ср.: доег. коўкоз 'колхоз', свабыник 'слабенький', своо 'слово', квас 'класс' и др.; куд. поў° 'пол', шкоа 'школа', повать 'полать' и др.; бел. сваа 'слава', кав°ат 'халат', заод 'завод' и др.

Необходимо отметить, что последствия утраты звука **л** в взовых диалектах — замена его звуком **в** и последующая трансформация звука **в** привели к изменениям не только в фонологической системе этих диалектов, но и создали условия для изменения структуры не-

которых словообразовательных и словоизменительных суффиксов (см. I, с. 48-49, 136-138). Это касается и изменения фонетического облика серийных послелогов с основой на **выл-**, которые из-за выпадения интервокального **в** постепенно трансформировались в падежные окончания (см. об этом ниже).

Судьба звука й (йот) в коми-пермяцких диалектах представляет определенный интерес для диалектолога. **Й** встречается во всех позициях: в начале слова, середине и на конце: йир 'омут', йы 'лед', туйё 'годится', гарйыны 'копать', кай 'птица', вай 'при-неси' и т. д. Это явление характерно для всех диалектов и говоров южного и северного наречий; имеет оно место и в говорах верхнекамского наречия (ср. миё<мийё 'мы', нiа<нiйа (нiя) 'они', сiа<сiйа (сiя) 'он' и т. д.). **Й** между гласными выпал как слабый звук (см. об этом: I, с. 49-50).

Во всех диалектах и говорах коми-пермяцкого языка **й** ассимилируется предшествующими мягкими согласными. Ср. примеры: сев. б.-к. рыттялнас< <рыт'йалнас<рытйалнас 'к вечеру'; коч. жыннiя< <жын'йан<жын'ян 'бубен'; н.-к. желля<жел'ья 'с занозой'; лев. панньон<пан'йон 'ложкой'; ис. тiоннiя<тiон'ья 'вчерашний'; южн. каттыны< <кат'йыны 'намотать', миссьыны<мис'йыны 'мыть-ся' и т. д. Такого же типа прогрессивная ассимиляция наблюдается при образовании множественного числа: во всех говорах **й** в суфф. мн. числа ассимилируется мягкими согласными основы слова: н.-и. каннез<кан'йез 'кошки'; ср.-и. поллез<пол'йез 'пузыри'; коч. порссез<порс'йез 'свиньи'; ис. виз-зез<виз'йез 'линии'; в.-к. боллез<бол'йез 'боли' и т. д. Позднее по аналогии — ассимиляция **й** в суфф. мн. числа -йез произошла и в основах слов с твердыми согласными, ср.: вон — воннез<вон'йез 'брат — братья', кiз — кiззез<кiз'йез 'ель — ели', сьiд — сьiддз 'черный — черные' и др. Ассимиляция **й** в середине слова твердыми согласными более позднее явление и, если ассимиляция **й** мягкими согласными в формах множественного числа имени произошла повсеместно (кроме верх-лупьинского), то ассимиляция твердыми согласными основы завершилась не во всех диалектах. Правда, примеров на сохранение **й** в подобных позициях немного и встречаются лишь в ряде северных говоров косинско-камского диалекта (в нижнекосинском, левичанском, пуксибском, чураковском), а также в мысовском и верх-лупьинском диалектах. Примеры: н.-к. нюрйез матын 'болота близки'; лев. вiрйез уна 'лесов много'; пукс. мiсйез 'коровы', том отьирйез 'молодые люди'; чур. торйез 'части, куски'; мыс. синйез 'глаза', песйез 'дрова'; в.-л. кийез 'руки', панйез 'ложки' и т. д. Чаще всего суфф. -йез вм. -ез употребляется в верх-лупьинском диа-

лекте. В нем суфф. -йэз иногда встречается в словах с основой на гласные звуки и на мягкий согласный: часыйэз 'часы', книгайэз 'книги', висьталісьйэз 'рассказчики' и др. Следовательно, в этом диалекте (в самом северном, окраинном) ассимиляция **й** мягкими согласными в середине слова не завершилась, но процессы исчезновения **й** между гласными и после согласных в формах мн. числа близки к завершению, например: кагаэз 'дети', сёрниэз 'разговоры', киннэз 'кто', зыраннэз 'зыряне' и т. д. (см. подробнее: I, с. 55-59).

Дальнейшее сужение позиций звука **й** середины слова связано также с ассимиляцией предшествующими твердыми согласными корня слов. Так, в большинстве говоров кочевского диалекта северного наречия, кудымкарско-иньвенского диалекта, а также в азовском и тукачевском говорах нижеиньвенского диалекта южного наречия **й** ассимилируется предшествующим звуком **ш**: коч. кошшыны<кошйыны 'искать'; б.-к. чыпшшанок<чышйшанок (лит. чшыянок) 'платок'; куд. пышшис<пышйис 'он удрал'; кув. мамыс ошшасьö(<ошйасьö) 'мать хвастается'; аз. кошшён<кошйён, кытён са 'ищут, где он'; тук. кошшисö<кошйисö 'искали' и др. Но **й** не ассимилируется предшествующим **ш** в следующих южных говорах: в тиминском, доеговском и аксеновском нижеиньвенского диалекта и в средне-иньвенском говоре кудымкарско-иньвенского диалекта, напр.: кошйам 'ищем', ошьясьö=ошйасьö 'хвастается', чушйавны 'злиться на кого-либо' и др. (см. подробнее: I, с. 55-57).

В отдельных говорах **й** ассимилируется предшествующим звуком **ж** (ср.: кув. чужжы<чужйы 'пни (ногой)'; гыжжалö<гыжйалö 'царапает') и **к** (егор. руккö<рукйö 'идет-трясется').

В некоторых говорах кочевского и косинско-камского диалектов **й** ассимилируется предшествующими ему звуками **с**, **з**, **л**, ср.: б.-к. ассапон<асйапон 'время рассвета'; коч. оз öззы<оз öзйы 'не зажигает-ся' кёссыны<кёсйыны 'обещать'; пукс. ноллётіс<нолйётіс 'он таскал'. Это явление новое, не встречающееся в южных диалектах.

Ослаблены позиции **й** и в середине слова перед согласными и на конце слов (**й** с ослабленной артикуляцией обозначается **й°**); имеются случаи выпадения **й** в позиции перед согласными. Ср. примеры: ср.-и. ругаччыны<ругайччыны<ругайтчыны 'ругаться', горсай° 'место за печью', нянь вай° 'принеси хлеба', но: думайтны 'думать'; сам. соэтуччыны<соэтуйччыны<советуйтчыны 'советоваться'; егор. поконник 'покойник'; б.-к. май°нас 'в майские дни' и др. (см. I, с. 50-59).

Основное качество звука **й** сохраняется в начале слова и в начале слога в середине слова, а также в позиции после твердых согласных, кроме звуков **ш**, **ж**, **к**, **р**, **с**, **з**, **л** в некоторых диалектах.

Примеры: йог 'мусор', новйыны 'носить', лымыа (лит. лымыа) 'снежный' и т. д.

Судьба звуков г, к. В некоторых диалектах и говорах северного и южного наречий, а также в верхнекамском наречии наблюдается явление палатализации задненёбных согласных **г, к** в положении перед **и, е** и переход их в мягкие **дь** и **ть**. Ср. пел. дектар<гектар, тилометров пять<километров пять; лев. модила<могила; б.-к. теркуэыс<керкуэыс 'дома-то'; доег. пырта терквö(<керквö) 'заношу в дом'; ср.-и. ти<ки 'рука', тевья<кевья 'сноха'; в.-к. тин<кин 'кто', дижны<гижны 'писать' и т. д. Однако, процесс перехода **г** и **к** в **дь** и **ть** не завершен, поскольку в говорах употребительны те и другие варианты, ср.: кепись и тепись 'рукавица', кень и тень 'пенка', кеймыны и теймыны 'кланяться' и т. д. (см. подробнее: I, с. 59-60).

Явление деаффрикатизации согласных наблюдается в отдельных диалектах и говорах всех наречий, однако, не носит регулярного характера, напр.: б.-к. кышöмось (куд. кытшöмось и кз. кутшöм) 'какие-то'; лев. эшшöмось (куд. этшöмось) 'такие'; кув. разисö (ср.-и. радзисö) эзика вм. эдзика 'так и так', ыжыт вм. ыджыт (ср. к.-я. өд-жөт) 'большой', этызь (н.-и. этадз) 'так' и т. д. (см. I, с. 60-61).

В то же время в диалектах встречается явление противоположного характера: происходит **аффрикатизация звуков ж, ш, зь**, напр. б.-к. кудим вудж (<вуж) 'три корня'; коч. кокö подзяліс (<позяліс) 'мою ногу свело' и др. И т. д. Аналогичные явления имеют место в коми-зырянских диалектах.

Аффрикатизация происходит также на стыке основы слов, оканчивающихся на **т, д, и дз**, при присоединении суффикса сравнительной степени **-жык** к прилагательным и наречиям. Это явление характерно для ряда говоров, напр.: коч. топытджык и топыджык (<топыт+жык) 'плотнее'; н.-к. учöджык(<учöt+жык) 'меньше'; пукс. богадджык(<богат+жык) 'богаче' (звук **т** перед **ж** и **д** озвончается, ср.: горт- дын>горддын 'около дома'); ср.-и. гөрджык(<гөрд+жык) 'краснее', одджык (<одз+жык) 'раньше' и т. д. (см. подробнее: I, с. 61).

Сюда же следует отнести и такое явление аффрикатизации, когда зубные взрывные **т** и **д** уподобляются последующей глухой аффрикате **ч** или **ц**: б.-к. вочöччин 'ты принарядился'; коч. орччöн<ордчöн 'ря-дом'; чур. нем оз мөрччы(мөртчы) 'ничего не помогает'; в.-л. вöччыны<вöтччыны 'догонять'; в.-к. эн гарччы(<гардчы) 'не мешай' (букв. 'не крутись'). (См. об этом подробнее: I, с. 60-65).

Ассимиляция гласных звуков в пермяцких диалектах — фонетическое явление в системе гласных, заключающееся в их уподоблении по ряду и подъему, в выравнивании по месту образования. Это новое, еще не устоявшееся явление: в одних диалектах оно имеет более широкое распространение, в других встречается реже, но в целом находится на такой стадии развития, когда возможно параллельное употребление тех и других вариантов. Ср.: *отер* и *отир* 'люди', *өрөш* и *ырөш* 'квас', *таын* и *таун* 'сегодня', Кыдымкар и Кудымкар и др. Вероятно, не все встречающиеся случаи можно объяснить ассимиляцией, но на данном этапе трудно провести сколь-либо строгую классификацию этого явления. Поэтому подобные случаи автором объединены в общем разделе «Ассимиляция гласных» (подробнее см. I, с. 77-80, с. 31-34).

По наблюдениям автора, в ареале южного наречия довольно широкое распространение получила ассимиляция гласных в среднеиньвенском говоре. Чаще всего ассимиляции подвержены безударные гласные в предударной и заударной позициях. Ср. а) в предударной позиции *оббос* в.м. *ыббос* 'дверь', *уктун* в.м. *октун* 'тройник (рыбол.)'; б) в заударных слогах: *туус* в.м. *туыс* (<тувыс<тулыс) 'весна', *мөдвын* в.м. *мөдвун* (<мөдлун) 'послезавтра' и др. Отмечены случаи ассимиляции ударных гласных: *вудук* в.м. *вудык* (<лудык) 'клоп', *төжө* в.м. *төжө* 'тоже' (см. II, с. 32-34).

Имеющийся в распоряжении материал показывает, что в южных говорах ассимиляции подвержены все гласные, кроме *э*. Не зафиксировано ассимиляции только в окраинных говорах нижнеиньвенского диалекта — в азовском, тукачевском и тиминском.

Ассимиляция гласных отмечена во всех говорах северного наречия, а также в верхнекамском наречии пермяков. В этом ареале могут подвергаться все гласные, кроме *а* (примеры см. I, 79-80, II, с. 34).

В двух говорах коми-язьвинского наречия — в антипинском и паршаковском — В. И. Лыткиным отмечена ассимиляция ударного гласного *о* предударным лабиальным *у*, *ю*, когда под влиянием прогрессивной ассимиляции гласный *ө* лабилизуется и переходит в *о*: *рүдзог*<*рүдзөг* 'рожь', *рүчос*<*рүчөс* 'лиса', *пуно*<*пунө* 'варить'. В других коми-язьвинских говорах аналогичная ассимиляция не зафиксирована (Лыткин, 1961, с. 32-34).

Фонетические явления в области гласных коми-пермяцких диалектов. Из семи гласных фонем — *а, о, ө, у, и, э, ы*, функционирующих в живой речи пермяцкого населения, наиболее наглядно выступают диалектные различия в употреблении гласных *ө* и *о*.

В диалектах северного наречия, в отличие от южного, гласный *ö* имеет более широкое распространение, прежде всего, в русских заимствованиях. Ср.: б.-к. гөддэз (ю. годдэз) 'годы'; пукс. пöгрeб (ю. погреб), злөдей (н.-и. злодей) 'злодей'; рөзöриччас (ю. розориччас) 'разорится'; мыс. сапöг (ю. сапог); в.-л. пöтöлöк (ю. потолок, потоок) 'потолок' и др. Аналогичное явление наблюдается и в верхнекамском наречии, ср.: кöтöк 'котик, коток', мöтöк 'моток', хöзяин 'хозяин'.

В южном наречии употребление *ö* на месте *o* в заимствованиях из русского языка встречается лишь в отдельных случаях в говорах кудымкарско-иньвенского диалекта: в.-и. дöва 'вдова', кöзяин 'хозяин', кöза 'коза'; кув. тöжö 'тоже', тöкö 'только' и нек. др.

В исконных пермяцких словах употребление *ö* на месте *o* не имеет широкого распространения даже в северном наречии: н.-к. чöчкöм (ю. чочком) 'белый'; пукс. тавö (ю. таво) 'в этом году'; чур. öнмöссис (ю. онмөссис) 'он заснул'; гаин. тaкöй чöмөр (ю. чомор) 'именно такой' и нек. др.

Отмечается также и противоположное явление, когда на месте литературного *ö* в диалектах выступает *o*. Такое положение более характерно для говоров северного косинско-камского диалекта. Ср.: лев. коркö 'когда-то'; н.-к. кор 'когда' (лит. көр, көрк), шомкор (лит. шöм-) 'кислица, щавель', а также в говорах верхнекамского наречия: тонын (лит. төн) 'вчера', мойму (лит. мöйму) 'в прошлом году'. Частично *o* на месте лит. *ö* встречается и в оньковском и нижеиньвенском диалектах южного наречия: кодя (лит. кöда) 'который', кодыркö (лит. көркö) 'когда-то'.

Рассматривается употребление диалектного *э* на месте лит. *ö* (в верх-лупьинском диалекте: шуэ вм. шуö 'говорит', миэ вм. миö 'мы' и др.) и диал. *и* на месте лит. *э* < *ê* (в оньковском и нижеиньвенском диалектах: иг, ин, из вм. эг, эн, эз 'я ты, он не'; виж вм. веж 'желтый'; чир. вм. чер 'топор' и др.), а также случаи выпадения (отпадения) и ассимиляции гласных (подробнее см. I с. 73-80, II, с. 18-20).

СИСТЕМА УДАРЕНИЯ В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ЯЗЫКЕ

Коми-пермяцкий язык и его диалекты, в отличие от других финно-угорских языков, характеризуется особой специфической системой разноместного, но фиксированного на каком-либо одном слоге ударения. Несмотря на опыт детального описания пермяцкого

ударения по частям речи в работе И. И. Майшева «Грамматика коми-пермяцкого языка» (М.-Л. 1940) и в ряде работ В. И. Лыткина, содержащих немало верных наблюдений, вопрос о пермяцкой системе ударения в целом все же не получил удовлетворительного решения. В частности, вплоть до появления работ автора настоящего доклада считалось, что ударение падает на какой-либо определенный слог основы слова. Поэтому В. И. Лыткин назвал коми-пермяцкий тип ударения осново-разноместным. Последующие исследования автора доклада показали, что ударение может падать не только на корневую морфему, или словообразовательный суффикс, но и на словоизменятельные суффиксы. Поэтому его правильнее называть разноместным, морфологизированным.

Диалекты южного наречия по специфике ударения делятся на два типа: одни — кудымкарско-иньвенский и нердвинский — имеют разноместную морфологизированную систему ударения, другие — оньковский и нижеиньвенский — качественно-вокальную, свойственную также и коми-язьвинскому наречию.

Особенность последнего типа состоит в том, что ударение в слове зависит от качества корневого гласного в неодносложных словоформах: корневые гласные верхнего подъема **и, ы, у** обычно не имеют на себе ударения, и оно переходит на последующий слог, т. е. на словообразовательный или словоизменятельный суффикс. Примеры из оньковского диалекта: вильбось 'новые', кыйб 'ловит', вуран 'сошьешь'. Если же гласные **и, ы, у** в одном и том же слове встречаются одновременно и в первом и втором слогах, то ударение сохраняется на втором слоге: миссийс '(он) умылся', быдмий '(я) вырос', мунный, 'идти'. Нарушение этой закономерности происходит лишь по аналогии с корневыми гласными среднего и нижнего подъема **а, о, э, ё**, которые перетягивают ударение на себя. В таком случае под действием аналогии корневые гласные **и, ы, у** могут быть ударными в первом слоге; вылынось (вм. вылынось) 'высокие', кўліс 'он умер', бйон оз Ъжмало 'с огнем не шутят' и др.

Гласные **и, у** могут быть ударными в первом слоге, если они исторически восходят к закрытым **э (и<э), ё (у<ё)**: чигны (ср. чёгны) 'сломать', ситшом (ср. сэтшом) 'такой', умоль (ср. ёмоль) 'плохой, плохо', ўтир (ср. ётир) 'люди, народ'. В этом случае место ударения может колебаться (умоль — умоль) в силу закономерности качественно-вокальной системы ударения (см. I, с. 90-91).

В оньковском диалекте ударение падает на корневые гласные среднего и нижнего подъема **а, о, э, ё** обычно в первом слоге слова: на́чкѳтас 'зарезет', ѳраліс '(он) выполол' и т. д. Однако, ударение может падать на те же гласные последующих слогов, в том числе, на

словообразовательный или словоизменятельный суффикс: нармáн ‘грабли’, босьтáн ‘возьмешь’, сета́ ‘отдам’, корó са ‘просит он’ и др. по аналогии с закономерными шуá ‘скажу’, кыла́ ‘слышу’, пыра́н ‘зайдешь’ и т. д.

При перемещении на словообразовательные или словоизменятельные морфемы ударение морфологизируется, закрепляясь за определенными суффиксами, благодаря частотности употребления и логическому (смысловому) ударению. В оньковском диалекте такими суффиксами с закрепленным, морфологизированным ударением оказывается а) словообразовательные суфф.: 1) -ыш(т)-: юышны ‘попить’; 2) -óлт-: пиньóлтны ‘искривить’; 3) -ал-: серáлны ‘смеяться’; 4) -óт-: пыркóтны ‘трясти’ и в порядковых чистительных — куимóт ‘третий’, витóт ‘пятый’ и т. д.; б) словоизменятельные суффиксы — личные окончания глаголов: 1) -а: кыла́ ‘слышу’; 2) -и: пукси ‘я сел’; 3) -ан: пыра́н ‘ты зайдешь’; 4) -ин: пырин ‘(ты) зашел’; 5) -ис: пырис ‘он зашел’; 6) -ö: муно́ ‘идет’ и т. д.

Случаи отклонения от качественно-вокальной системы и переноса ударения с корневых морфем на суффиксальные в развитии морфологизации ударения наблюдаются в сфере прилагательных и наречий: при наличии суффикса сравнительной степени -жык (-джык) и суфф. -чок с уменьшительно-ласкательным значением ударение переносится с корневой морфемы на предшествующий суффиксу слог: кóдзыт-кóдзыджык и кóдзытджык ‘холод(но) — холоднее’, рóма — рóмажык ‘яркий — ярче’, нёбыт — нёбыччок (лит. небытик) ‘мягкий — мягенький’, матын — матынчок ‘близко — близенько’.

Явление морфологизации ударения в оньковском и нижеиньвенском диалектах впервые зафиксировано автором доклада. Анализ показал, что в оньковском диалекте это новый развивающийся процесс, не имеющий пока широкого распространения по сравнению с говорами нижеиньвенского соседствующего диалекта, хотя в системе ударения между ними много общего. Сравнительный анализ материала двух диалектов позволяет сделать вывод, что качественно-вокальный тип ударения в наиболее чистом виде сохраняется в оньковском диалекте. Следует подчеркнуть, что появление морфологизации ударения в нижеиньвенском и в оньковском диалектах — явление относительно позднее. В основе же, в обоих диалектах сохраняется качественно-вокальный тип ударения.

Явление морфологизации ударения, хотя и в начальной стадии развития, имеет место и в коми-язьвинском наречии — у язьвинских пермяков.

Для двух других диалектов южного наречия — кудымкарско-иньвенского, легшего в основу коми-пермяцкого литературного язы-

ка, и нердвинского характерен морфологизированный, или разноместный тип ударения (т. е. перенос ударения с корневой морфемы и закрепление его на суффиксальных). В этих диалектах одни суффиксальные морфемы ударные, другие безударные. Редкие исключения связаны с логическим, или фразовым ударением (см. I, с. 86-89, II, с. 43-44, III, с. 24-26).

Диалекты северного наречия по системе ударения существенно отличаются от диалектов южного наречия, а процесс морфологизации ударения находится на разных ступенях развития.

В этом отношении известный интерес представляет кочевский диалект северного наречия, ближайший к южному кудымкарско-иньвенскому диалекту, отделенный от него полосой около 60 км русского и обрусевшего пермяцкого населения. Несмотря на территориальную разобщенность, кочевский диалект представляет собой переходную ступень между северным и южным наречиями и сохраняет больше черт, сходных с южными диалектами, чем другие северные диалекты.

Отличительной чертой кочевского диалекта по сравнению с южными является тенденция к сохранению ударения на первом слоге слова. И все же эта черта не является определяющей, поскольку процесс морфологизации ударения в диалекте занимает преобладающее место. В своем монографическом исследовании по диалектологии коми-пермяцкого языка (см. I, с. 96-103) автор доклада выделяет более полутора десятков словообразовательных и словоизменительных суффиксов, которые в большинстве случаев являются ударными, т. е. наметившаяся тенденция еще не реализована до конца.

Вместе с тем, выявлен ряд суффиксов, являющихся всегда ударными: -ок-(-ёк-) (лабич — лабичо́к 'лавка-лавочка', о́льпась — ольпасе́к 'постель — постелька'); -о́дз, -о́т (ку́им — куимо́т 'три — третий', вит — вито́т 'пять — пятый'); -нан (кыкна́н кио́н 'обеими руками'); -ан (ола́н 'жизнь', пыза́н 'стол'; -о́с (пыдо́с 'дно', шыдо́с 'крупа'); -о́м (гымало́м 'гром', курито́м 'курение'; -ись (гижись 'пишущий, писатель').

Характерная черта всех говоров кочевского диалекта — перетягивание ударения на конечный гласный **а** основы или корня слова: баля́ 'овца', перна́ 'крестик', пла́ха 'плаха', Коля́, Ваня́ и т. д.

Языковой материал показывает, что в кочевском диалекте действуют процессы морфологизации ударения: закрепление его на определенном слоге, причем они занимают ведущее место в перестройке системы ударения в данном диалекте (см. тж. I, с. 101-103, II, с. 40, 44-45).

В говорах косинско-камского диалекта, как и в кочевском диалекте, развивается процесс морфологизации ударения, но он протекает в них неравномерно: чем севернее расположен говор, тем менее этот процесс выражен. Во всех говорах встречается перенос ударения на корневой гласный второго открытого слога **а**: ношá 'ноша', няня́ 'грудь', Васька́, Нида́, тетка́ 'тетя' и др. Лишь в одном, чураковском говоре перенос ударения на **а** второго слога не соблюдается.

Отмечаются некоторые другие общие черты косинского и кочевского диалектов: чаще всего под ударением находятся суффиксы -ал- (солáльны 'солить', чапкáльны 'разбрасывать'); -öt- (велóтны 'учить', вунóччи (<вунóтчи) '(я) забыл' и др.). (См. I, с. 104-107). Всегда под ударением находятся суффиксы -ок(-ёк), -тор, -ыник(а)-, -ёс-, -ись (ись), -ан-, -нан-, -жык(-джык). Ударными являются приставки не-, мед-: нéважын 'недавно', мéдматын 'ближе всех, самый близкий' (подробнее см. I, с. 104-105).

Мысовский и верх-лупьинский диалекты — два окраинных небольших по территории распространения диалекта в самой северной части Коми-Пермяцкого автономного округа — характеризуются сохранением в большинстве случаев древнего финно-угорского ударения на первом слоге. Процессы морфологизации ударения в них имеют место, но они находятся в самой начальной стадии развития. Перенос ударения с первого слога встречается главным образом в заимствованных словах.

В верхнекамском наречии ударение ближе всего к системе ударения в мысовском и верх-лупьинском диалектах и сохраняется, как правило, на первом слоге. случаев переноса ударения с первого слога немного. Обычно оно падает на слог, предшествующий суффиксу инфинитива глаголов -ны, -ыны: 1) на словообразовательные суффиксы -öt- (-öd-), -ась-, -ал-, -ись-, ит-, -уйт-: гольóтны 'бренчать', пуксьóдны 'посадить', ольсáльны 'постелить', чапкíсьны 'отказаться', фатítны 'хватать' и т. д. 2) на слог, предшествующий сравнительному суффиксу прилагательных и наречий -джык: дóна — донáдджык 'дорогой — дороже', мíча — мичáджик 'красивый — красивее'; 3) на именные словообразовательные суффиксы -ок (-ёк), -ан: кычанóк 'собачка', пия́н (<пийан) 'дитя, ребенок', ола́н 'жизнь'.

Аналогичное явление имеет место в мысовском и верх-лупьинском диалектах и соседствующих с ними говорах косинско-камского диалекта северного наречия (см. I, с. III, 113-115).

Фонологизация ударения в коми-пермяцком языке

Коми-пермяцкое словесное ударение, как и в русском языке, не связано с каким-либо слогом слова и может располагаться на любом по порядку слоге (на 1-ом, 2-ом, 3-ем и т. д.). Однако, разноместное ударение не означает его произвольности и полной свободы: каждая словоформа имеет только одно определенное ударение, обусловленное по месту закономерностями его образования. Эти закономерности используются в языке для различения конкретных омонимичных слов (словоформ), состоящих из одинакового набора фонем, т. е. ударение выполняет функцию его фонологизации, ср.: пы́ран '(ты) входишь', но пыра́н 'вход', ве́рдас '(он) накормит', но верда́с 'корм' и т. д. Иначе говоря, одного изменения места ударения достаточно для устранения омонимии словоформ, и ударение становится фонологическим средством их различения.

Местом ударения устраняется омонимия грамматических форм: 1) степень качества прилагательных: ку́рыт 'горький' — курыт 'слишком горький'; 2) значения некоторых относительных прилагательных: бо́ковой 'от бока (отрезанный)' — боковой 'посторонний'; 3) значения некоторых местоимений: бы́дос 'каждого (в отдельности)' — быдос 'всё, все'; 4) различие порядковых числительных на -от, -одз от числительных, стоящих в переходном и предельном падежах, ср.: куимо́т 'третий' — куимо́т 'через три', нёльо́дз 'четвертый' — нёльо́дз 'до четырех'; 5) различие имен существительных от глаголов: быдмас 'вырастет' — быдма́с 'растение'; 6) различие существительных от наречий: кузя́ 'длина' — кузя́ 'длинно', кыза́ 'толщина' — кы́за 'толсто'; 7) различие прилагательных от существительных: го́грос (пыза́н) 'круглый (стол)' — го́грос 'круг, округность'; 8) степени качества и сравнения наречий: ы́лын 'далеко' — ылы́н 'очень далеко', о́ддьон 'очень' — о́ддьон 'сильнее' и т. д.

Имеется немало случаев, когда любое перемещение места ударения приводит к изменению смысловых оттенков слова, например: бе́ргалыш(т)ны 'немножко крутиться, повертеться', берга́лыштны 'по-крутиться, повертеться', берга́лышы 'чуть покрутиться, повертеться' и др. (см. I, с. 118).

Фонологическая роль ударения не во всех диалектах языка пермяков одинакова. Это зависит от степени морфологизации ударения, т. е. закрепления его на том или ином суффиксе (см. I, с. 119-123).

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОМИ-ПЕРМЯЦКИХ ДИАЛЕКТОВ

Имя существительное. Число. Суффикс множественного числа -эз<*-йэз в разных диалектах и говорах имеет различные варианты. Благодаря ослаблению позиций **й** и его выпадению в интервокальном положении происходила трансформация суффикса *-йэз(-йас) >-эз>-э (см. II, карту № 7 на с. 82-83).

В южном наречии и в кочевском диалекте северного наречия показатель мн. числа — суфф. -эз(-ез). В говорах косинско-камского диалекта, а также в мысовском и верх-лупьинском северного наречия иногда выступают варианты суфф. мн. числа -йэз (-йэс), -йас: кос. горйэз 'печи'; пукс. мөсьйэз 'коровы'; мыс. синйэз 'глаза', колькйэз 'яйца', кийэз 'руки'; в.-л. панййэз 'ложки' и др.

В верхнекамском наречии показатель мн. числа — суфф. -йэз (-йэс) с вариантами -эз(-ез), -эс(-ес), -йас(-ас): гыжйэз 'ногти', эсиннэз<эсинйэз 'окна' уййас 'белки', угольяс 'угли', томмез 'молодые' и др. (см. I, с. 127-129).

В нердвинском диалекте южного наречия суфф. мн. числа выступает в двух вариантах — -эз и -эс: колхоззэз 'колхозы', чуманнэс 'берестянки', мөссэс 'коровы'.

Вариант суфф. мн. числа -эс по происхождению составной. Он образовался из показателя -эс/-эз+ыс притяжательный суфф. 3-го л. ед. числа. В большинстве диалектов он утрачивает прежнее значение притяжательности и дейксиса и начинает выступать в функции обычного показателя множественности в конце слова. Однако, в середине слова, напр., под прикрытием падежного суффикса, всюду употребляется суфф. -эз (горттэзö 'по домам' и т. д.). Из этого следует, что вариант суфф. мн. числа -эс — более позднего происхождения, как результат оглушения согласного в ауслауте. Таким образом, наиболее вероятным и реальным представляется вариант образования суфф. мн. числа: -эс+эз+ыс. В оньковском диалекте встречаются случаи бывшего наличия в суффиксе мн. числа звука **й**, т. е. -эз<-йэз: номйэс 'комары', кымөрйэс 'облака', шырьйэз 'мышь'. По-видимому, процесс исчезновения **й** из -йэз?>-эз в этом диалекте еще полностью не завершен.

В некоторых говорах кудымкарско-иньвенского диалекта на территории Кудымкарского района автором зафиксировано выпадение **з** из суфф. мн. числа -эз(-эс) в середине слова перед падежными и лично-притяжательными суффиксами, и эту функцию выполняет одиночный, «сокращенный» гласный, суфф. -э(-е-)<-эз(-ез): воггеас (вм. воггезас) 'в логах', пельпоннэö (вм. пельпоннэзö) 'мои плечи', пиннеыс абу 'зубов у него нет'. (См. подробнее: I, 126-127).

Более широкое распространение употребление сокращенного суффикс мн. числа -э-(-е-)<-эз(-ез)<*-йэз получило в некоторых говорах кочевского диалекта северного наречия (в большекочинском, кочевском, пелымском), а также в отдельных говорах косинско-камского диалекта (в гаинском, исаевском, пуксибском, чураковском). Причем, в пелымском говоре показателем мн. числа является только -э-(-е-). Ср.: эна годдэо (вм. годдэзо) 'в эти годы', вёллэон (вм. вёллэзон) мунёны 'едут на лошадях', вөрре (вм. вөррез) эмось 'леса есть', лоссе (вм. лоссез) сьёрын 'за лосями' и др.

Падежи

В коми-пермяцком литературном языке насчитывается 17 падежей, в коми-зырянском — 16, в удмуртском — 15. В диалектах пермяцкого языка количество падежей значительно больше, имеются и случаи синкретизма и несовпадения значений отдельных падежей. Но увеличение количества падежей и их различий в диалектах связано, главным образом, с развитием системы внешнеместных и приблизительно-местных падежей.

В коми-пермяцком литературном языке функционирует целая серия местных падежей:

1. Местный (где? в чем-ком?): -ын: керку-ын 'в доме'
2. Исходный (откуда? из чего-кого?) -ись(ись): керку-~~ысь~~ 'из дома'
3. Вступительный (куда? во что-кого?) -ö: керку-ö 'в дом'
4. Приблизительный (к чему-кому?) -лань: керку-лань 'к дому'
5. Отдалительный (от чего-кого?) -сянь: керку-сянь 'от дома'
6. Переходный (через что-кого?) -öт: керку-öт 'через дом'
7. Предельный (до чего-кого?) -öдз: керку-öдз 'до дома'

Система внешнеместных падежей послеложного происхождения.

В взовых диалектах южного наречия — в нижеиньвенском и кудымкарско-иньвенском — в основном оформилась система внешнеместных падежей в результате разрушения серийных послелогов с основой на выв- (вывын, вывись, вывö, вывöть, вывöдз); из-за выпадения интервокального в (см. об этом выше) эти послелогически трансформировались в падежные окончания: вывын>выын>вын; вывись>выись>вись; вывö>выö>вö; вывöть>выöть>вöть; вывöдз>выöдз>вöдз (см. I, с. 48-49, II, с. 91). Ср. примеры из говоров нижеиньвенского диалекта: эта Исыввын (<Исыв вы(в)ын) 'на этом Исыле'; вай нянь пызанвö (<пызан вы(в)ö) 'принеси хлеба на стол'; воктисö ыбвись (<ыб вы(в)ись) 'пришли с по-ля'; котöртисö туйвöть (<туй вы(в)öть) 'бежали по дороге'; одва кая горвöдз (<гор вы(в)öдз)

‘еле поднимаюсь на печь’. Лишь в окраинном тиминском говоре нижеиньвенского диалекта система внешнеместных падежей находится в стадии формирования. В нем зафиксированы только два послеложных падежа с формантами -вын и -вö: турниквын бергаö ‘на турнике вертится’, шейсят девятойвö муні ‘мне шестьдесят девятый (год) пошел’. В остальных случаях внешнеместные отношения выражаются послелогоми, напр.: ыб выись (<вывыись), ыб выöть (<вывöть) и т. д. В соседнем (с тиминским) доеговском говоре процесс трансформации серийных послелогов в окончания внешнеместных падежей можно считать завершенным, употребление послелогов с основой на выв- не зафиксировано. Анологична ситуация в остальных говорах этого диалекта и в кудымкарско-иньвенском диалекте.

Итак, в взовых диалектах возникла группа новых местных падежей, составляющих серию внешнеместных, введенных автором доклада в научный оборот под наименованиями: внешнеместный на -вын, внешнеместный исходный на -вись, внешнеместный вступительный на -вö, внешнеместный переходный на -вöть, внешнеместный предельный на -вöдз (см. схему склонения: I, с. 142-143; IV, с. 70-71).

Такая же ситуация складывается в нердвинском и оньковском (эловых) диалектах; как и в двух предыдущих (взовых) серийные послелогии трансформировались в падежные окончания -лын, -лö, -лись, -лöдз, -лöt(ь): из вылын, вылö, вылись, вылöt(ь), вылöдз (см. подробнее: I, с. 130-131; III, с. 78-79).

Следует отметить одну фонетическую особенность трансформации серийных послелогов в аффиксы внешнеместных падежей: при гласной основе существительных начальный согласный аффикса геминируется (в взовых) диалектах: ваввын<ва вывын ‘на воде’, но горвын<гор вылын ‘на печке’. Из диалектов южного наречия в оньковском диалекте наблюдается тенденция к стяжению геминант в одиночный согласный: валлын>валын, валлö>валö ‘на воде, на воду’ — тенденция к унификации структуры падежных аффиксов.

Анализ фактического материала позволил автору доклада сделать вывод, что в диалектах южного наречия коми-пермяцкого языка образовалась система внешнеместных падежей послеложного происхождения, состоящая из пяти новых падежных форм: внешнеместный (где? на чем? на ком?) — -вын, -лын; внешнеместный вступительный (куда? на что? на кого?) — -вö, -лö; внешнеместный исходный (откуда? с чего? с кого?) — -вись, -лись; внешнеместный переходный (по чему? по кому?) — -вöть, -лötь; внешнеместный предельный (до поверхности чего-кого?) — -вöдз, -лöдз. Вместе с шестым новым падежом иного происхождения (см. I, с. 138) —

внешнеместным достигательным (по вертикали — до чего-кого?) — -ви, -лі — они образуют новую целостную систему внешнеместных падежей (см. I, 131).

В таблице показана эта система на примере элового оньковского диалекта как наиболее продвинутого в трансформации серийных послелогов в падежные аффиксы:

1. внешнеместн. валтын и валын 'на воде'
2. внешнеместн. вступ. валлө и валö 'на воду'
3. внешнеместн.-исх. валлись и вались 'с поверхности воды'
4. внешнеместн.-перех. валлөть и валөть 'по воде'
5. внешнеместн.-пред. валлөдз и валөдз 'до поверхности воды'
6. внешнеместн.-достиг. голялі, пидзöви 'до шеи', до колен'.

Вместе с тем, процесс унификации падежных аффиксов в оньковском диалекте по существительным с согласной основой, т. е. стяжения геминированных согласных лл>л, не влияющий на увеличение количества внешнеместных падежных форм, приводит к синкретизму падежей, к образованию одинаковых падежных формантов с неизбежным расширением их функциональной нагрузки. Так, появление внешнеместного исходного падежа с формантом -лись привело его к синкретизму с притяжательным падежом с тем же формантом -лись и синкретический падеж взял на себя обе функции: форма юр-лись стала означать и 'у головы' и 'с головы'. То же самое произошло с внешнеместным вступительным падежом на -лө и дательно-направительным на -лö: синкретический падеж стал означать, напр.: юр-лö 'голове' и 'на голову'. Иначе говоря, в оньковском диалекте действуют два разнонаправленных процесса: один под давлением системы приводит к образованию новых внешнеместных падежей (вн.-м. исходного и вн.-м. вступительного) и поддерживает стройность системы внешнеместных падежей, другой — приводит к синкретизму с уже имевшимися падежами (притяжательным и дательно-направительным), т. е. к сокращению количества падежей, но к увеличению их функциональной нагрузки.

В диалектах северного наречия процесс перехода серийных послелогов на выл- протекает неравномерно. Наиболее интенсивно он развивается в кочевском, большекочинском и пелымском говорах. Далее, к северу, в нижнекосинском, левичанском, пуксибском и чураковском говорах косинско-камского диалекта полные формы послелогов встречаются примерно в 50% случаев. Такая же картина наблюдается и в мысовском диалекте. Но в гаинском, васькинском и исаевском кустах процесс трансформации послелогов с основой выл- в падежные суффиксы близок к завершению. Однако, унификация суффиксов продолжается (см. I, с. 134-135). И наоборот, в са-

мом северном, верх-лупыинском диалекте, «пограничном» с коми-зырянским, трансформация серийных послелогов с основой выл- лишь только начинается (пызан-ылын<пызан вылын 'на столе', горылын<гор вылын 'на печи').

В говорах верхнекамского наречия процесс трансформации послелогов с основой выл- находится в стадии развития. Послелогои уже начинают выступать в сокращенных вариантах: вылын>ылын>лын; ылын, ылат; вылӧ>ылӧ, вылись>-ылись>-лись... (Примеры см. I, с. 135-136). Процесс трансформации серийных послелогов начинается с падения начального **в**, а затем уже происходит сокращение слогов. Ср.: вылын> >ылын>-лын; вылӧ>ылӧ>-лӧ; вылись>ылись>-лись; вылӧт>ылӧт>-лӧт; вылӧдз> ылӧдз> -лӧдз. Ср. в южных иньвенских говорах: вывын>выын>-вын; вывӧ> выӧ>-вӧ; вывись> выись>-вись; вывӧть>выӧть>-вӧть; вывӧдз> выӧдз>-вӧдз. В диалектах северного наречия процесс трансформации послелогов во многом напоминает верхнекамский тип (см. примеры, с. 135-136).

Система приблизительно-местных падежей послеложного происхождения в диалектах коми-пермяцкого языка формируется за счет разрушения системы серийных послелогов с основой дын- и орд-в результате их редукции, сокращения слогов и трансформации в падежные аффиксы. Процесс сокращения двух серий послелогов с разными основами привел к образованию единой серии падежных окончаний с одинаковыми приблизительно-местными значениями. Ср.: дынын>-дын, дынӧ>дӧ, дынись>дись, дынӧть>-дӧть, дынӧдз>-дӧдз; ордын>-дын, ордӧ>-дӧ, ордись>дись, ордӧть>дӧть, ордӧдз>-дӧдз. Эта система характерна для оньковского диалекта и некоторых нижеиньвенских говоров. Напр.: оньк. Миандись муніс 'От нас ушел', тіандын (или тіандӧ) кежис 'к вам зашел', вӧрдӧдз котӧртисӧ 'до леса бежали' и др.

Особенно широко эти падежные формы употребляются с личными местоимениями по следующей парадигме:

1. Приблизительно-местный — миандын<миян дынын 'у нас, около нас'
2. Приблизительно-вступ. — миандӧ<миян дынӧ 'к нам'
3. Приблизительно-исходн. — миандись<миян дынись 'от нас'
4. Приблизительно переход. — миандӧть<миян дынӧть 'около нас (пройти)'
5. Приблизительно-предельн. — миандӧдз<миан дынӧдз 'до нас, к нам'

В аксеновском говоре нижеиньвенского диалекта новые падежные форманты употребляются пока что при личных местоимениях, но

имеют тенденцию распространяться и на существительные: миандö вок узыньт 'к нам приходи спать-то', вöрдын 'около леса', вöрдö 'к лесу' и т. д.

Подобное явление отмечено В. И. Лыткиным и Т. И. Тепляшиной в глазовском диалекте удмуртского языка, где употребляется особая падежная форма с элементом -нъ- вместо послеложной конструкции литературного языка: адямине (лит. адями дине) 'к человеку', моньям (лит. мон доры, мон диням) 'ко мне' и т. д. Приблизительно такая же серия падежей, состоящая из трех падежных формантов (но разного происхождения) имеется, например, в венгерском языке (см. Е. К. Майтинская. Венгерский язык, т. 1, с. 139).

В большинстве говоров нижеиньвенского диалекта лишь после-лог дынын 'при, у' сократился в дын и превратился в окончание приблизительно-местного падежа со значением приблизительности места совершения действия: тук. вакинасдын 'у д. Вакиной'; доег. гортдын уджаö 'около дома работает'; крох. миандын оис 'у нас жила' и др.

Суффикс -дын встречается во всех южных диалектах, а также в некоторых говорах северных диалектов. В говорах верхнекамского наречия также наличествует суфф. -дін (-дын)<дынын. Ср.: Эстön эд гортдін 'Здесь ведь близко к дому (букв. около дома)'; Тэдін бергаліс. 'Около тебя ходил'. (См. I, с. 140-141).

В связи с появлением новых падежных форм — серий внешнеместных и приблизительно-местных падежей — в результате разрушения серийных послелогов с основами на выв-/выл-, дын- и орд- в настоящее время в нижеиньвенском и оньковском диалектах южного наречия функционирует 28 падежных форм, в кудымкарско-иньвенском и нердвинском — 24, в говорах северного наречия — 19 (Сравните схему склонения имен существительных. Примеры взяты из крохалевского и верх-иньвенского говоров южного наречия и кочевского диалекта северного наречия, I, с. 142 — 143), а в коми-пермяцком литературном языке — 17.

АРЕАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ В УПОТРЕБЛЕНИИ ПАДЕЖЕЙ

Винительный падеж в ареальном плане представляет наибольший интерес ввиду многообразия его выражения. В коми языковом ареале (пермяцком и зырянском) насчитывается около десятка диалектных вариантов падежного суффикса. Кроме нулевой формы общим (хотя и не всеобъемлющим) для всего коми ареала можно счи-

тать суффикс падежа прямого объекта -ös (-сö) с вариантами -эс, -тö, -дö по разным регионам, а также -лö, -лы, -ли, -вö, -ö (см. подробнее: I, с. 141-147; II, с. 100-103).

В коми-пермяцких северных диалектах, в том числе в верхнекамском наречии (кроме окраинных северных мысовского и верхлупьинского диалектов), наряду с нулевой формой и оформленной суффиксами -ös (-сö) употребляется суфф. -лö, аналогичный суффиксу дательного падежа, ср.: воньтлö (дат. п.) эн жö деньгалö сет? 'брату своему (ты) ведь деньги не отдал же?; вот горшлö (вм. -ös) игналіс 'вот горло заложило'; мианкодьös кыдз шырлö (вм. шырös) бы ляпкötіс 'нас бы, как мышей, задавило'; ватö вайö 'воду-то он носит'; в.-к. Ме сералі Натальыслö (вм. Натальсö) 'Я высмеяла Наталью'.

В южном наречии формант винительного падежа -вö(<-лö) встречается только в егоровском и лопанском говорах кудымкарско-иньвенского диалекта, находящихся в территориальной близости к кочевскому диалекту северного наречия.

Аналогичное явление имеет место и в некоторых коми-зырянских диалектах — в выском, лузско-летском (суфф. -лы, -лö) и у обских коми (см. II, с. 102-103).

Условия употребления (или замещения) суфф. -лö, -лы, -вö (-ö) вместо -ös и -сö или нулевой флексии установить не удастся. По мнению В. И. Лыткина, употребление -лö (-лы) в функции винительного падежа — это результат сохранения функции былого объектного падежа на -лы (-лö), который некогда выполнял функции современного дательного и винительного падежей. После выделения и оформления винительного падежа как самостоятельного (нулевое окончание в неопределенной форме и -ös (-тö, -сö) в определенной форме, старые формы на -лы (-лö) сохранились на некоторой территории и продолжают употребляться наряду с формами винительного (но-вого) падежа. (См. I, с. 144-145; II с. 102-103).

На фоне других коми-пермяцких диалектов в верхнекамских говорах формант -ös употребляется значительно чаще, он выступает на месте винительных -сö и -ö других диалектов: кыкös (вм. кыкö) токо босьтіс 'двух он только взял'. Формант -ös (а часто и -сö) выполняет дейктическую функцию, т. е. употребляется с определенным объектом: нинкöммезсö (вм. нинкöммез) ачыс кыяліс 'лапти-то он сам сплел', заплатасö (вм. заплата) ылынгом пукті 'запла-ту-то я далековато положила'. Форма определенного винительного на -ös в литературном языке употребляется довольно редко. Аналогичное явление имеет место в нердвинском диалекте южного наречия. (См. II, с. 102; I, с. 146).

Дательный падеж в коми-пермяцких диалектах повсеместно выражается суффиксом -вӧ или -лӧ (в зависимости от вэовости или эловости диалекта), лишь в верх-лупьинском диалекте и в говорах верхнекамского наречия как вариант суфф. -лӧ появляется суфф. -лы: ю. мамвӧ (<мамлӧ) козьнаа 'маме пода-рю'; сев. Вералӧ нӧбӧта 'Вере отнесу'; в.-л., в.-к. кинлы гижан? кому напишешь? Но и в них вариант суфф. -лы менее употребителен и может рассматриваться как архаизм, как результат былых контактов с коми-зырянскими диалектами, в большинстве которых суфф. -лы (в верхневычегодском — -ли) является основным вариантом суфф. дательного падежа. В то же время, распространенный в коми-пермяцких диалектах формант -лӧ известен в лузско-летском и соседствующем с ним верхнесысольском диалектах коми-зырянского языка. (Сорвачева и др., 1966, с. 74; I, с. 147-149; II, с. 103-106).

В коми-язьвинском наречии выступает формант -лӧ: шерлӧ 'мышонку', чирлӧ 'топору, за топором', ѳжлӧ 'овце' и др. (Лыткин, 1961, с. 44-47).

В ряде северных говоров (большекечинском, левичанском, пуксибском, чураковском, в том числе, в верх-лупьинском диалекте) дательный (точнее — дательно-направительный) падеж употребляется для выражения причинности действия, но в южных диалектах это значение выражается отдалительным падежом: лев. сідз песӧмыслӧ (куд. вартвӧмсянь) и куліс 'так от (из-за) побоев и умер'; в.-л. не ӧтік пиан тшыглӧ эз кул' ни один ребенок от голода не умер'. Аналогичное явление наблюдается и в близкородственном удмуртском языке, где совпали дательный и достигательный падежи в одном суфф. -лы: вонлы сӧтны 'отдать брату' и вулы мыныны 'идти за водой'. Следует отметить, что в большинстве южных (вэовых) говоров, а также в нердвинском и оньковском диалектах дательный и достигательный падежи формально также не различаются и имеют окончание -лӧ или -вӧ (-ввӧ, -ӧ). (См. I, с. 149).

В южных диалектах коми-пермяцкого языка фонетически закономерное выпадение -в- в интервокальной позиции уже привело к совпадению притяжательного и исходного падежей, а также родительного и творительного падежей, если основа слова оканчивается на гласный. Совпали также форманты дательного, вступительного и достигательного падежей при гласной основе. Ср.: Нинаӧ (вм. Нинавӧ) сетіс 'Нине (он) отдал', но бабвӧ козьнаис 'бабушке он подарил'; деревняӧ воктін 'в деревню (ты) приехал', ваӧ (вм. вавӧ, лит. вала) муніс 'за водой (он) пошел' и др.

Таким образом, для вэовых диалектов, как и для эловых, необходимо различать у имен существительных, прилагательных, числительных и местоимений две основы — гласную и согласную, причем

разные основы слова выступают лишь в родительном, дательном, творительном, исходном и вступительном падежах. Гласная и согласная основы последовательно различаются также в системе внешнеместных падежей (см. I, с. 131, 149-149, II, с. 92, 104-106; см. также карту № 9 на с. 100).

Достигаемый падеж: -ла/-la, -ва (-вö, -ö), -лö. Формант -ла употребляется во всех говорах северного и коми-язьвинского наречий языка пермяков: б.-к. локтіс деньгала (лит. тж., ю. деньгавö) и деньгаö ' (он) пришел за деньгами'; коч. мунны песла (лит. тж., ю. песвö) 'идти за дровами'; мыс. муна кагала (лит. тж., ю. кагавö и кагаö) 'иду за ребенком'; в.-л. муна вала (лит. тж., ю. вавö и ваö) 'иду за водой' и т. д.

В нердвинском и оньковском диалектах южного наречия достигаемый падеж имеет окончание -лö: оньк. йöллö ветла 'за молоком схожу'; нерд. турунлö ветлісö 'за сеном съездили' и др.

Фонетический вариант суфф. -la употребляется во всех коми-зырянских диалектах, а из пермяцких — только в верх-лупьинском диалекте, контактировавшем до недавнего времени (эпизодически) с носителями соседнего верхневычегодского диалекта коми-зырянского языка. К форманту -ва (<-ла) и его вариантам ведет изоглосса к югу от северного наречия языка пермяков (см.: II, карты №№ 1 и 10 на с. 7, 104-106).

Творительный падеж: -өн// -эн. В коми-пермяцком языке во всех говорах южного, северного и верхнекамского наречий употребляется суфф. -өн: ю. вундыны чарваөн 'жать серпом'; сев. сотны биён 'спалить огнем'; вк. ветвыны машинаён 'ездить на машине'. Лишь в окраинном верх-лупьинском диалекте в качестве варианта суфф. -өн изредка появляется -эн, независимо от качества звуков предшествующего слога, ср.: мортён лыддьöны 'человеком считают', но кыкэн мунасö 'вдвоем пойдут'.

В верхневычегодском и ижемском диалектах языка коми-зырян на месте -өн употребляется вариант -эн, а в говорах нижневычегодского диалекта в зависимости от фонетических условий выступает то -өн, то -эн; в большинстве же коми-зырянских диалектов показателем творительного падежа является -өн: скр. вöлөн 'на лошади', пэсөн 'дровами' и др. (см. II, с. 106-108, карту № 11).

В верхнесысольском диалекте коми-зырян наряду с -өн в творительном падеже часто употребляется «двойной» суфф. -насөн (<нас+өн): солнасөн (скр. солён) 'солью', коминасөн (скр. комиён) 'по-коми' др. А в верхневашском говоре удорского диалекта в качестве суфф. творительного падежа выступает -ныни. Суфф. -ныни со-

держит обобщительно-коми-тативное значение подобно словообразовательному суфф. -нан собирательных (совместных) числительных (кыкнан 'оба, в составе двух', куимнан 'трое, в составе трех'), напр.: Пуыс вужныныис пöри 'Дерево свалилось вместе с корнями' (см. Сорвачева и др., 1966, с. 75; Сахарова, Сельков, 1976, с. 44-47).

В коми-язьвинском наречии показателем творительного падежа является -өн: биён 'огнем', майёгён 'колом' и др. (Лыткин, 1961, с. 44-46).

Итак, в зырянском ареале формант -эн употребителен в ижемском и в соседнем с ним верхневычегодском диалектах, а также в некоторых говорах нижневычегодского диалекта, граничащего с предыдущими с юго-запада. Как уже отмечалось выше, суфф. -эн вариативно выступает и в верх-лупьинском диалекте северного наречия пермяков, имевшего до недавнего времени эпизодические контакты с юго-восточными говорами верхневычегодского диалекта коми-зырян. Формант -өн характерен только для коми-язьвинского наречия (см. II, с. 106-108, карта № 11). Следовательно, суфф. -насён, ныни, -өн занимают самостоятельные ареалы и представляют собой инновации от «основного» показателя -ён; формант -эн также восходит к общекоми -ён.

Соединительный падеж в коми-пермяцких диалектах и наречиях имеет варианты -кёт, -көт, -көд (-кэд, -кыд), из них наибольшее распространение имеет -кёт: иньв. воктан сойыткёт 'придешь со своей сестрой', байтны отиркёт 'говорить с людьми'. Вариант -көт характерен для красновишерских пермяков (т. н. коми-язьвинцев), а -көд выступает в качестве варианта наряду с -кёт в речи кировских пермяков (верхнекамцев), ср.: кя. кинкөт 'с кем', сойкөт 'с сестрой'; вк. пасёногыскөд 'со своим пасынком', тэкөд 'с тобой', но: мамакөт 'с мамой' и т. д.

В большинстве коми-зырянских диалектов суфф. соединительного падежа является -көд, его вариант -кэд употребляется в верхневычегодском и ижемском, -кыд — в лузско-летском, -кёт — в удорском. Характерной чертой лузско-летского диалекта является также формант -мыд: Катямыд ветлим вөрö 'Мы с Катей сходили в лес', Тэмыд кыкөн ювам чай 'С тобой вдвоем пьем чай'. Таким образом, для большинства коми-зырянских диалектов характерен суфф. соединительного падежа -көд, для коми-пермяцких говоров и удорского диалекта коми-зырян — вариант -кёт, коми-язьвинского наречия -көт. Последние два варианта представляют самостоятельные ареалы, а изоглосса на -кёт тянется с юга (с Камы) на северо-запад (к Мезени). Форманты -кэд и -кыд функционируют на ограниченной территории. То же самое следует сказать о специфическом

суфф. -мьд, выступающем в летском говоре. (См. I, с. 147; II, с. 114-116 и карту № 12).

Лишительный падеж: -төг//-төг. В диалектах южного и северного наречий, а также в говорах верхнекамского наречия показателем лишительного падежа является -төг (няньтөг 'без хлеба', тэтөг 'без тебя'), в коми-язьвинском наречии выступает формант -төг: з'ат'төг 'без зятя', сартастөг 'без лучины'.

В некоторых диалектах коми-пермяцкого языка к окончанию лишительного падежа могут присоединяться лично-притяжательные суфф. -йам, -йат, -йас (в ед. числе) и -йаным, -йаныт, -йаныс (во мн. числе). Чаще всего из этих осложненных падежных окончаний встречаются форманты -төгйат — -төгйит, -төгйас — -төгйис; остальные употребляются реже, поскольку их значение обычно передается описательно (см. I, с. 156-158; II с. 116).

Почти во всех диалектах коми-пермяцкого языка суфф. лишительного падежа является -төг, его фонетический вариант -тэг функционирует только в ареале верхневычегодского, ижемского и удорского диалектов коми-зырян наряду с -төг употребительна форма -төгйа, вс. -төгйи (см. II, 116).

Таким образом, коми-зырянский ареал распространения варианта -тэг (<-төг) лишительного падежа занимает территорию верхневычегодского и соседнего с ним ижемского диалектов. Формант -тэг характерен для коми-язьвинского наречия и представляет собой замкнутый ареал (см. II, с. 116 и карту № 8 на 92-93).

Сравнительный падеж: -с'а (-ся). Характерной особенностью коми-пермяцкого языка является наличие сравнительного падежа на -ся. Он имеется во всех диалектах северного и южного наречий, а также в языке кировских пермяков, не отмечен лишь в коми-язьвинском наречии (см. Лыткин, 1961, с. 44-47).

Данная падежная форма имеется в лузско-летском, верхнесольском и среднесольском диалектах коми-зырян: вс., сс. Ош кёинс'а йонжык 'Мед-ведь сильнее волка'; лет. Мэ тэс'с'а пёрыс'жык 'Я старше тебя'; Нылкас'а буржык 'Лучше девочки'. В других коми-зырянских диалектах функции сравнительного падежа выполняет исходный падеж (см. Жилина, 1975, с. 72; II, с. 114).

Отметим, что территория функционирования данного падежа представляет компактный ареал (см. карты №№ 1, 8 на с. 7 и 92), так как указанные диалекты коми-зырянского языка, имеющие в структуре склонения имен сравнительный падеж, являются крайними (южными), примыкающими с северо-запада к территории Коми-Пермяцкого автономного округа.

Родительный падеж: -лөн, -лан, -вөн, -өн. Формант -лөн употребляется в эловых диалектах южного наречия — в нердвинском и оньковском, во всех диалектах северного наречия и в говорах верхнекамского наречия; в коми-язьвинском наречии — вариант -лан (эжйөзэлан 'у моих овец (имеется)', н'имөллан 'у зайца'); в вэовых диалектах южного наречия коми-пермяков (в нижеиньвенском и кудымкарско-иньвенском) в родительном падеже окончаниями являются -вөн (после основы на согласный) и -өн (после основы на гласный), ср.: иньв. мөсвөн 'у коровы', балаён (или баявөн — редко) 'у овцы', сойвөн 'у сестры'; оньк., нерд., лит. мөслөн, баялөн, сойлөн.

В большинстве диалектов коми-зырянского языка показателем родительного падежа является -лөн. Его вариант -лэн выступает в верхневычегодском и ижемском (в соседнем с первым) диалектах языка коми-зырян, напр.: вв. Йаким Проклэн сэни нэрис йылас и йэм 'На пригорке Яким Прока и есть'; иж. Айыс сылөн вöли йармангаын төргуйтö (Мохча). 'Отец его торговал на ярмарке' (См. II, с. 121 и карту № 12 на с. 114-115).

Притяжательный падеж: -лис'// -лыс', -вис'// -ис'.

В эловых диалектах южного наречия (в оньковском и нердвинском), а также в диалектах северного наречия, в языке красновишерских (коми-язьвинских) и кировских (верхнекамских) пермяков формантом притяжательного падежа является суфф. -лис', но в последнем (верхнекамском) наречии есть вариант -лыс', занимающий преимущественные позиции: кинлис' бос'тин? 'у кого ты взял?' с'из'лис' 'у дятла'; вк. ме ниялис' сөи 'я у них поел', но: көнкө утöлысь 'где-то из-за угла', одзсалі Любачлысь 'Занял (я) у Любы'.

Формант -лыс' характерен и для большинства диалектов коми-зырян, за исключением верхневычегодского и удорского диалектов, в которых употребляется окончание -лис'.

В иньвенских (в нижеиньвенском и кудымкарско-иньвенском) диалектах показатель притяжательного падежа -вис'(<-лис'), -ис'(<-вис'). Суфф. -вис' выступает в словах с основой на согласный, а -ис' — в словах с основой на гласный. Примеры: вонвис' (лит. вонлісь) 'у брата', сыис' (лит. сылісь) 'у него' и т. д.

Распространение суфф. притяжательного падежа -лыс' на территории Республики Коми и -лис' на территории Коми-Пермяцкого автономного округа, а также -вис' и его варианта -ис' представляет четкие ареалы. Наличие суфф. -лис' на территории коми-зырян носит «островной» характер: удорский диалект относится к группе се-

веро-западных, а верхневычегодский — юго-восточных (см. карту № 14 на с. 120-121; I, с. 158, II, с. 121-122).

Местный падеж: -ын// -ин, -өн. Показателем местного падежа в обоих коми языках является -ын, и лишь в верхневычегодском диалекте коми-зырянского языка выступает -ин, а в нижневычегодском употребительны оба варианта. Примеры: кз. вöрын 'в лесу', карын 'в городе'; кп. городын 'в городе'; вв. джоджин куйлэни 'лежат на полу'; нв. гортын 'дома', муын 'в земле', пин'ин 'в зубе', пэл'ин 'в ухе' (Сорвачева и др., 1966, с. 224; Сорвачева 1978, с. 37).

В коми-язьвинском наречии формант местного падежа -өн, образуя синкретический падеж — местно-творительный, и сочетает в себе функции обоих — местного и творительного падежей: кокөн 'в ноге, ногой', кэркуөн 'в доме, домом'. Это реликт более древнего языкового состояния: предполагается существование общеместного падежа, который в зависимости от контекста мог выражать значение места, времени, орудия действия, состояния (см. Совр. к. яз., 1955, с. 143-146; Коми-перм. яз., 1962, с. 193; Серебренников, 1963, с. 12).

Таким образом, формант -ин(<-ын) характерен для ареала верхневычегодского и нижневычегодского диалектов коми-зырян. И только в коми-язьвинском ареале суффиксом местного падежа является -өн, который совпадает с формой творительного падежа (см. I, с. 150-151, II, с. 108-109 и карты 9 и 11 на с. 100-101, 106-107).

Исходный падеж: -ис'// -ыс'. Формант -ис' характерен для всех диалектов языка коми-пермяков, лишь в верхнекамском наречии (в речи Кировских пермяков) и в верх-лупьинском диалекте северного наречия, наряду с -ис' встречается -ыс'(>-ис'), но -ис' имеет большее распространение, например: магаз'инис' 'из магазина', книгаис' 'из книги', но: гортыс' 'из дому'; в.-л. татис' Мысис' 'Отсюда из Мысово', ниа Лупис' 'они из Луи', но: эз Москваыс' 'не из Москвы'.

В большинстве коми-зырянских диалектов суфф. исходного падежа является -ыс', только в верхневычегодском и удорском диалектах, как и в коми-пермяцком языке и в коми-язьвинском наречии, употребляется -ис', а в нижневычегодском употребительны оба варианта: -ыс' и -ис'.

Диалектные данные показывают, что формант исходного падежа -ыс' является характерной чертой большинства диалектов коми-зырян, а суфф. -ис' — для языка коми-пермяков. (См. II, с. 113-114, см. карту № 8 на с. 92-93).

Вступительный падеж: -ö// -э, -ө. Формант вступительного падежа -ö употребляется во всех диалектах коми-пермяцкого языка, в речи кировских пермяков, а также в большинстве диалектов языка коми-зырян, за исключением верхневычегодского и ижемского, где выступает -э<ö, а также нижневычегодского, в котором вариант -э употребляется в ряде говоров на месте -ö (Сорвачева, 1978, с. 19-20); в соседнем с нижневычегодским — в среднесыольском диалекте — также появляется вариант -э. (Колегова, Бараксанов, 1980, с. 28, 31). Следовательно, суфф. -э занимает компактную территорию.

В коми-язьвинском наречии суффиксом вступительного падежа выступает -ө (вүрө 'в лес', куз'ино 'в подарок' и др.) и составляет замкнутый ареал (см. II, карту № 14 на с. 120-121).

Приблизительный падеж: -лан'// -лэн', -ван'. Суф-фикс -лан' в коми-пермяцком языке функционирует в северном, верхнекамском и коми-язьвинском наречиях, а из южного наречия — в оньковском и нердвинском; в нижнеиньвенском и кудымкарско-иньвенском употребляется суфф. -ван'(<-лан'); сев. вк, кя. шорлан' 'к ручью', гортлан' 'к дому', но: ни., к.-и. шорван' 'к ручью', городван' 'к городу'.

В коми-зырянском языке почти повсеместно функционирует суфф. -лан', кроме верхнесыольского диалекта, где используется вариант -лэн'<-лан' (скр. шорлан' 'к ручью', но: вс. гортлэн'ыд (горт+лэн'+ыд) '(по направлению) к дому'.

Таким образом, формант приблизительного падежа -лан' имеет самое широкое распространение. Его вариант -лэн'(<-лан') представляет самостоятельный ареал. Формант -ван', являясь фонетическим вариантом суфф. -лан', характерен только для взовых диалектов коми-пермяцкого языка, тем самым также представляет самостоятельный ареал в бассейне р. Иньвы, притока р. Камы. (См. ССКЗД, 1961, с. 465; Сорвачева, 1978, с. 37; см. II, с. 109-110 и карту № 11 на с. 106-107).

Отдалительный падеж: -с'ан'// -с'эн'// -с'ин'. В языке коми-пермяков формант отдалительного падежа -с'ан' имеет распространение в нижнеиньвенском диалекте и в говорах Средней Иньвы (кудымкарско-иньвенского диалекта), а также в косинско-камском диалекте (кроме чураковского говора), мысовском и верхлупьинском северного наречия (см. I, с. 151-155, II, с. 110-113).

Кроме форманта -с'ан', в разных диалектах употребляются его фонетические варианты -с'эн' и -с'ин'.

В северном наречии вариант -с'ин' встречается изредка в говорах кочёвского диалекта, а также в чураковском говоре косинско-

камского диалекта. Суффикс -с'ин' является характерной чертой оньковского диалекта, ср.: Вörс'ин' (лит. вörсянь) пэтис 'Из лесу (он) вышел', Айс'ин' быдöс сидз 'Все из-за отца так'. В нердвинском диалекте в отдалительном падеже также употребляется суфф. -с'ин' и редко — его вариант -с'эн'. Например: Юр вис'ö брагас'ин' 'Голова болит от браги', Кыс'эн' тэ? 'Откуда ты?'

В большинстве говоров кудымкарско-иньвенского диалекта у отдалительного падежа выявляются окончания -с'ин', -с'эн', -с'ан' (ср.: лит. -сянь). Весьма возможно, что вариант -с'эн' в говорах является переходной ступенью между -с'ан' и -с'ин'.

В верхнекамском наречии также употребляются все три варианта суфф. отдалительного падежа, напр.: Первой мыжыкс'ан' 'От первого мужа', Мэ ог тöd мыйс'эн' 'Я не знаю, отчего (почему)', Кэр-кас'ин' пэтан 'Из дому выйдешь' и др.

В коми-язьвинском наречии показателем отдалительного падежа является -с'ан': вёлтөрс'ан' 'от тела', аймамс'ан' 'от родителей, из-за родителей'.

В большинстве коми-зырянских диалектов суфф. отдалительного падежа является -с'ан'. Вариант -с'эн'(<-с'ан') употребителен в верхнесысольском, лузском и в ряде говоров нижневычегодского диалекта (см. ССКЗД, 1961, с. 466; Сорвачева, 1978, с. 37; II, с. 110-113). Кроме того, в отдалительном падеже зафиксированы также окончания -ыс'эн' (-ис'эн'), -ыс'ан' (-ис'ан'), а в вымском, летском и удорском диалектах отдалительный падеж, кроме -с'ан', имеет второй суфф.: вым. -ыс'өдз, лет -ыс'эдз, уд. -ис'эдз (см. подробнее: II, с. 111; см. тж.: Майтинская, 1979, с. 117).

Сравнительные данные показывают, что для всего коми ареала основным показателем отдалительного падежа является формант -с'ан'. Вариант с'ин'(<-с'эн'<-с'ан') является характерной чертой оньковского и нердвинского диалектов, а также для большинства говоров кудымкарско-иньвенского диалекта, изредка он выступает в некоторых говорах кочёвского диалекта, а также в чураковском говоре косинско-камского диалекта языка коми-пермяков. Следовательно, изоглосса данного явления (-с'ин'<-с'эн'<-с'ан') тянется с юга (от Оней) к Северу (см. II, карты №№ 1 и 2 на с. 6-7, 106-107).

Переходный падеж: -öt// -öt', -ти, -өт. Суффикс -öt// -öt' характерен для диалектов северного и южного наречия, включая и коми-язьвинское наречие (в последнем -өт). Вариант -öt'(<-öt) характерен для нижеиньвенских и среднеиньвенских говоров, а также для оньковского диалекта южного наречия. Примеры: вöröt' (ср. лит. вöröt) 'по лесу', ötöröt' (лит. ötöröt) 'по улице, на воздухе'; ср. кя. вүрөт 'по лесу'. По территории распространения суфф. -öt занимает южную и севе-

ро-восточную часть южного наречия (см. I, с. 155-156, II, с. 117-119; карты №№ 1 и 13 на с. 7, 118-119).

Суфф. -от занимает небольшую территорию собственно кудымкарско-иньвенского диалекта, но является характерной чертой всех диалектов северного наречия, ср.: коч. туй шөрөт 'по середине дороги'; пукс. горт гөгөрөт 'вокруг дома'; гаин. Ваот вуджи 'Перешел (я) речку'; ис. Ошынот пэтны 'выйти в окно, через окно'; мыс. котортны вөрөт 'бежать по лесу, через лес' и др.

Формант -от имеется только в ареале распространения коми-язьвинцев. А в верхнекамском наречии падежное окончание -ти является характерной его чертой, напр.: Камати ветлө мелкөй рыба 'По Каме ходит мелкая рыба'; Уличати мунас да 'По улице пройдет да' и др.

Для большинства диалектов коми-зырянского языка показателем переходного падежа является суффикс -өд(<-от), а в ижемском и верхневычегодском, а также в отдельных говорах нижневычегодского диалекта -эд(<-өд). Падежный суфф. -ти, наряду с -өд или эд, в коми-зырянском выступает в присыктывкарском, верхневычегодском, верхнесыольском, печорском и вымском диалектах (см. ССКЗД, с. 466).

В коми-пермяцких диалектах, кроме верхнекамского наречия, суфф. -ти встречается как реликтовое явление лишь в некоторых наречиях и послеложных формах, напр.: эсти 'по этому месту', тати 'здесь, около нас', лун бөрти 'через день' и т.п.

Принято считать, что в основе общепермского суффикса переходного падежа -ти прослеживается финно-угорский локатив на -ti. Если суфф. -ти в коми языках имеет довольно узкое распространение, то в удмуртском языке оно является продуктивным падежным формантом, ср.: к. вати 'по воде'; удм. гуртэти 'по деревне, вдоль по деревне', н'улэсти 'через лес' и др. (Осн. ФУЯз. I, 1974, с. 251). Таким образом, суфф. переходного падежа -ти употребляется на территории распространения говоров верхнекамского наречия, т. е. в речи Кировских пермяков, а в перечисленных выше в коми-зырянских диалектах суфф. -ти находится в зоне вибрации (см. II, карту № 13 на с. 118-119).

Предельный падеж: -өдз// -эдз; -өдз. Во всех коми-пермяцких диалектах употребляется окончание предельного падежа -өдз; вариант -эдз спорадически появляется в отдельных словах в потоке речи в окраинном (северном) верх-лупинском диалекте, граничащем с севера с верхвычегодским диалектом коми-зырянского языка (в.-л. лок таччэдз 'иди сюда, до этого места', но: рытөдз уджалө 'работает до вечера'); суфф. -өдз (вариант -өдз) функционирует в языке коми-язьвинцев.

В большинстве коми-зырянских диалектов также употребляется формант -өдз, а вариант -эдз употребителен в лузско-летском, нижневычегодском, верхневычегодском, удорском и ижемском диалектах языка коми-зырян. В нижневычегодском диалекте суфф. -эдз выступает наряду с -өдз.

Следует отметить, что суфф. -эдз (<-өдз) на территории Республики Коми выступает в южных и северо-восточных диалектах коми-зырян и представляет довольно обширный ареал. Изоглосса тянется с юга (с Лузы и Летки) на Нижнюю Вычегоду, затем на Удору, оттуда — на Ижму, с Ижмы — на Верхнюю Вычегоду (к югу) и далее — к юго-востоку, на Верхнюю Лупью — на северную часть Коми-Пермяцкого автономного округа (см. II, с. 118-119 и карту № 13).

Словообразование

Из имеющихся словообразовательных суффиксов в диалектах рассматриваются наиболее характерные, специфические суффиксы, имеющие широкое распространение в том или ином диалекте или наречии общего ареала коми (зырянского и пермяцкого) языков. Следует отметить, что в диалектах широко употребляются суффиксы субъективной оценки. К данной группе относятся суффиксы с уменьшительно-ласкательным значением и со значением пренебрежительности, уничижительности (см.: I, с. 164-166).

Суфф. -тор (<самостоятельного слова тор 'часть, кусок') зафиксирован автором в кочёвском и верх-лупьинском диалектах: коч. н'ан'тор эз бос' 'ни крошки хлеба он не взял'; в.-л. буркатор вис'тал 'скажи что-то хорошее, приятное' и др. (см.: I, на с. 160 карту № 9).

Со значением пренебрежительности встречается суфф. -шён в петуховском говоре кочевского диалекта, ср.: зонкашён шогалё (лит. зонкажуг шогалё) 'мальчишка болеет'. Во всех остальных северных говорах значение пренебрежительного отношения передается описательно, напр.: гаин. мортыс умёл'ик 'плохой человек' (лит. мортжуг). Суфф. -жуг со значением пренебрежительности, широко употребительный в южных диалектах и в литературном языке, в северных диалектах отсутствует. Нет его и в оньковском диалекте. Необходимо отметить, что рассмотренные выше диалектные суффиксы -тор и -шой имеют широкое употребление в коми-зырянском литературном языке (см.: Совр. к. яз., с. 156).

Другая категория словообразовательных суффиксов — ограничительные, часто именуемые суффиксами степени качества, а точнее — степени признака, используются в обоих коми языках для выражения оттенков качества (признака) с ограничительным или уменьшительно — выделительным значениями. Напр.: скр. вэж — вэжов 'зеленый — зеленоватый'; руд-рудов 'серый — сероватый' и др.; ср.

кп. иньв. вэж-вэжов 'желтый — слишком желтый', вöz — вözов 'синий — слишком синий' и др. (подробнее см.: II, с. 173; II, с. 127-130).

Имя прилагательное. Степени сравнения. Сравнительная степень прилагательных. Качественные прилагательные в коми-пермяцких диалектах не имеют специального показателя, напр.: чочком 'белый', съод 'черный', веж 'желтый'. А характерным суффиксом формы сравнительной степени прилагательных является -жык (-джык), ср.: ю. томжык 'моложе', буржык 'лучше' и т. д.; сев. коч. гажажык 'веселее, более веселый'; гаин. пöрисьжык 'старше'; в.-л. кузьжык 'длиннее', ыджыджык 'старше' и др. (см. подробнее: I, с. 167-168; II, с. 122-126).

Отметим, что суфф. -жык (-джык) употребляется не только с прилагательными, но может сочетаться также и с наречиями, с глаголами и послелогоми, ср.: унажык 'больше' (ср. уна 'много') сёйоджык (ср. сёйны 'кушать') 'больше ест', стена бердöжык (бердö — послелог) 'ближе к стене' и т. д. Вариант суфф. -жык>-джык в пермяцких диалектах встречается не часто. Образование варианта суфф. -джык(<-жык) произошло при присоединении суфф. -жык к основе на глухой согласный, его озвончение в результате регрессивной ассимиляции с последующей аффрикатизацией стечения согласных д и ж и переразложения основы, напр.: пемыт — пемыт+жык>>пемыд+жык>пемыджык 'темнее'. По вопросу образования суфф. сравнительной степени в имеющихся исследованиях высказывались различные точки зрения (Д. Фокош-Фукс, А. Раун, Лыткин, 1961, Серебренников, 1963, Майтинская 1979, Тепляшина, 1984). Однако, предполагать обратное развитие как результат деаффрикатизации -джык>-жык не представляется возможным, т. к. более активным является процесс аффрикатизации даже начального ж в суффиксе -жык, ср.: курыт — курытджык 'горький — горче', гөрд — гөрдджык 'красный — краснее' (см.: II, с. 122-126).

Отметим, что вариант -джык встречается (вариативно) не только в южных и северных диалектах, но и в верхнекамском наречии (см. подробнее: I, с. 167-168; II, с. 122-126); языку коми-язьвинцев свойствен вариант -джик (-джиг — по Генезу, 1889 г.), который употребляется также в ареале верхневычегодского диалекта коми-зырянского языка. Вариант -джиг употребляется в речи летских пермяков (коми-зырянского языка).

К зоне распространения -джык в коми-зырянском языке относятся диалекты: ижемский, вымский, нижневычегодский, присыктывкарский (в говоре с. Шошка наряду с -джык употребляется также

-жык) и некоторые говоры лузско-летского и верхнесысольского диалектов.

Суфф. -жык в качестве варианта -джык употребляется и в некоторых говорах верхнесысольского, нижневыхегодского и присыктывкарского диалектов. Имеется он и в печорском диалекте (см.: II, с. 122-126).

Вариант суфф. -джык изредка появляется и после гласных, как результат действия аналогии. Ср.: пукс. мичаджык (<мича+джык) 'яснее (о небе), красивее'; чур. гажаджык (<гажа+джык) 'веселее' и др. Такие случаи чрезвычайно редки (см.: II, с. 124).

Проанализированный материал показывает, что первичным мог быть суфф. -жык, являющийся характерной чертой коми-пермяцких диалектов, в том числе, верхнекамского наречия, а также отдельных говоров юго-западных диалектов на территории Республики Коми (см.: II, карту № 15 на с. 122-123).

В тех диалектах, где употребляются ныне только -джык и -джик, -джиг и -джыг, по видимому, процесс ассимиляции и аффрикации начального звука **ж** в суффиксе -жык завершен; там, где употребляются одновременно -джык и -жык, явление перехода -жык>джык является действующим процессом. Вероятно, в языке коми-пермяков видоизменение рассматриваемого суффикса началось очень поздно, и оно находится в процессе развития в верхнекамском и северном наречиях и лишь в начальной стадии — в диалектах южного наречия.

Превосходная степень прилагательных (в том числе и наречий) в большинстве коми диалектов образуется с помощью единственной приставки мэд-.

В диалектах южного наречия коми-пермяцкого языка (как и в литературном языке) приставка мэд- является очень продуктивной: мэдбур 'самый лучший', мэдматис 'самый близкий' и т. д. Однако, в северном наречии мэд- чаще всего встречается как частица со значением 'пусть' (ср.: южн. ас 'пусть'), например: б.-к. Мэд эз пöрйаллы 'Пусть не обманывает'; мыс. Мэд пырас 'Пусть заходит' и др. Мэд в роли приставки изредка встречается в левичанском и гаинском говорах (в других автором не зафиксировано). В северных диалектах значение превосходной степени обычно передается описательно, напр.: коч. с'эк (русс. 'всех') басöк (ки. мэдбасöк) 'самый красивый'; мыс. йона мича (ки. мэдмича) 'самый красивый'; в.-л. виа нин бур (ки. мэдбур) 'лучше всех', йона ыджыт (ки. мэдыджыт) 'больше всех' (см.: I, с. 169; II, с. 126-127).

Относительные прилагательные в коми языках образуются с помощью суфф. -овöй (-öвöй), заимствованного из русского языка (-овöй<-овый). Он широко употребителен в коми-пермяцких диа-

лектах и наречиях. Примеры: пуовой (пу 'дерево'+-овой) 'деревянный', пиз'овой (пиз' 'мука'+-овой) 'мучной' и др. (см. примеры подробнее: I, с. 168-172 и карту № 10).

В южных (взовых) диалектах вариативность суфф. -овой зависит от позиции согласного -в- в том или ином говоре, в результате чего возникают форманты -овой, -оой, -вой: дораоой 'холщевый', йайоой 'мясной', шогдивой 'пшеничный' (см. примеры: I, с. 171-172; II, с. 133-134).

При помощи суфф. -овой (-ёвой<-йовой) образуются прилагательные от некоторых существительных, обозначающих вещество или материал, и указывают на признак по веществу или материалу, ср.: н'ан'овой 'хлебный', кыздовой 'березовый' и т. д. На более ранних этапах развития коми-пермяцких диалектов в этом значении употреблялся суфф. -ис', который употребляется и в настоящее время наряду с суфф. -овой (-ёвой); ср.: рис'овой и рис'ис' 'творожный, из творога', козовой и козис' 'еловый, из ели' и др. Однако, использование суфф. -ис' постепенно сужается. По своему значению оба суффикса идентичны.

В северных диалектах суфф. -овой имеет варианты: -ёвой, -ёлой, -вой, -эвэй; ср.: коч. л'онёвой 'льняной'; лев. ос'авой 'яровой'; мыс. просаёвой 'из проса, просяной'; в.-л. пуэвэй 'деревянный' (см.: II, с. 132-133, карту № 16). В бассейне верхней Камы — в верхнекамском наречии этот суффикс встречается в трех вариантах — -овой, -олой, -ёвой, напр.: рамовой (рам 'смирный'+овой) 'смирненький', помаз'эйолой 'фланелевый', маёвой 'медовый'.

В взовых диалектах южного наречия с помощью суфф. -овой// -оой, -оой образуется большое количество относительных прилагательных от причастий на -ис': кывзис'овой 'послушный', уджаис'оой 'работающий', баитис'оой 'разговорчивый'. То же самое — от притяжательных и вопросительных местоимений: миан — мианис'оой 'наш — нашенький', тиан — тианис'-оой 'ваш — вашенький', мый? — мыйоой? 'что? — из чего?', кытшом? — кытшомоой? 'какой? — какой, из чего?' (см. I, с. 172).

В южных диалектах коми-зырянского языка характерными суффиксами относительных прилагательных являются: для верхнесольского и летского — -ёвой, а для вочского говора верхневычегодского диалекта -эвэй, т. е. на территории, граничащей с Коми-Пермяцким автономном округом и с Кировской областью, где проживают кировские пермяки (верхнекамское наречие). Хотя ныне прямые контакты между пермяками и зырянами отсутствуют, но языковой материал указывает на былое историческое единство этих двух групп близкородственных народов в пределах указанного диа-

лектного ареала. На остальной территории коми-зырянского языка это явление не наблюдается (см. I, с. 7, 132-133, карты №№ 1 и 16).

Числительное. В отличие от коми-зырянского языка, в ареале распространения коми-пермяцких диалектов исконные числительные выходят из употребления, и счет ведется с помощью числительных, заимствованных из русского языка; на родном языке считают обычно только до пяти: *отик* 'один', *кык* 'два', *куим* 'три' *н'ол* 'четыре', *вит* 'пять' (ср. кя. *этик*, *көк*, *квим*, *н'ул'*, *пэт'*, и т. д.) а далее счет продолжается как и в русском языке: *шэс'*, *с'эм*, *вос'эм*, *д'эвэт'*, *д'эс'эт'* и т. д. Однако, и до пяти, наряду с исконными числительными, употребляются также русские числительные: один, два, три, четыре, пять. Очевидно, со временем и эти числительные (до пяти) уступят свое место заимствованным из русского языка. Нужно отметить, что в диалектах изредка встречаются и некоторые другие исконные числительные, кроме 1-5.

В литературном языке принято счет вести на родном языке до десяти: *отик*, *кык*, *куим*, *нэль*, *вит*, *кват'*, *сизим*, *кыкъямыс*, *окмыс*, *дас*. Примеры на функционирование числительных (см. подробнее: I, с. 173-176, III, с. 91-94, IV, с. 84-87).

Заимствуются как количественные числительные, так и порядковые, например: один — *первöй*, два — *вторöй*, пять — *пятöй*, десять — *десятöй* и т. д. Заимствованные из русского языка порядковые числительные принимают окончание *-öй* (вм. *-ой*, *-ый*, *-ий*), например: *трет'тöй*, *шэснацатöй*, *сто сороковöй* и т. д. Заимствованные числительные ведут себя в предложении как исконные числительные. Падежные окончания присоединяются к форме им. падежа ед. числа заимствованных числительных. Например: *первöй-лис'* 'у первого', *два-өн* 'по два', *п'ат'ас* 'в пяти', *вос'эм-өдз* 'до восьми' и др.

Заимствованные числительные принимают суфф. мн. числа *-эз*: *д'эс'атöй-эз* > *д'э'с'атöйэз* 'десятые', *п'ат'-эз* > *п'ат'т'эз* 'пятерки', *стоэз* 'сотни' и т. п.

Во всех диалектах (как в северных, так и в южных, в том числе, в языке кировских и красновишерских (коми-язвинских) пермяков), широко употребительны заимствованные русские конструкции числительного и существительного в форме родительного падежа ед. или мн. числа, типа: *сорок вэд'ор*, *с'эм домов*, *п'ат'* (*пэт'*) *окон'*, *д'эс'эт'* *снопов* и т. д. (см. примеры: I, с. 175). Встречается немало таких конструкций, в которых существительное может стоять и в других падежах. Под их влиянием в коми-пермяцком языке появились конструкции, состоящие из заимствованного числительного плюс свое существительное с русским окончанием род. падежа мн. числа *-ов* (*-ол*), напр.: *мыс. миан вöли д'эс'эт'* *кол'таол* 'у нас было десять снопов';

ис. видэлим п'ат' мёсол 'держали мы пять коров', сылён с'эм жёни-кол 'у нее семь женихов'; ср.-и. Керкуаныс п'ат' ёшыноў 'В их доме пять окон и т. д.

В указанных конструкциях существительные принимают коми-пермяцкие падежные окончания после русского окончания род. падежа мн. числа -ов(-ол) независимо от того, в каком падежном оформлении оно выступает в соответствующей русской конструкции, например: вк. толун пэт' домолын вёли 'Сегодня я в пяти домах был'; ки. с'уыс шэс' мешёковас төрис 'зерно уместилось в шесть мешков'. Рассмотренный материал показывает, что в диалектах заимствуются не только отдельные слова, но и целые конструкции. (Подробнее см.: I, с. 173-176; II, с. 134-136).

Местоимение. В коми-пермяцких диалектах употребляются в основном те же местоимения, что и в литературном языке. Большинство имеющихся отклонений носят фонетический характер. Так, личные местоимения сiа (<сийа) 'он, она, оно' и нiа (<нийа) 'они' во многих говорах (всех наречий) имеют сокращенные варианты са<сиа и на<ниа (см. подробнее: I, с. 176). В коми-язьвинском наречии также изредка встречаются усеченные формы са и на. В ряде говоров всех диалектов южного наречия личное местоимение 3-го л. мн. числа нiа имеет краткую форму на и н'а: доег. н'а гөрöны 'они пашут'. В кочевском диалекте изредка встречается вариант нö (<ниö<нийö).

В левичанском и исаевском говорах северного наречия, а также в верхнекамском наречии в дательном падеже встречается краткая форма мем<мейым или меным 'мне'; мем сэсся эн чöлт 'мне больше не наливай', но: меным кыкö сегисö 'мне два дали'. В верхнекамском наречии в дательном падеже личное местоимение 2-го л. ед. числа также имеет краткую форму тэд<тэныд 'тебе'. Подобные формы функционируют во многих диалектах коми-зырянского языка (ССКЗД, с. 469-470).

В говорах нижнеиньвенского диалекта и в оньковском диалекте все личные местоимения ед. числа мэ 'я', тэ 'ты', са 'он' часто употребляются вместо местоимений множественного числа миö 'мы', тiö 'вы', на(ниа) 'они', напр.: доег. Ме вежöртамö 'Мы понимаем'; оньк. Тэ мунатö ни? 'Вы уже уходите?' Са лажын ни мунисö 'Они давно уже уехали'.

Аналогичное явление встречается в ряде говоров косинско-камского диалекта и в верх-лупьинском (см. подробнее: I, с. 178). О других фонетических вариантах и особенностях см. I, с. 176-182.

В отдельных диалектах и наречиях языка коми-пермяков употребляются специфические местоимения, не свойственные литера-

турному языку. Так, в говорах косинско-камского диалекта употребляется обобщенно-определятельное местоимение дӱс 'все, всё', в том же значении в мысовском и верх-лупь-инском диалектах выступает став, а в верхнекамском наречии — быкӱб или дыкӱб 'все, всё' и заимствованное из местного русского говора местоимение «весь» с тем же значением вместо общераспространенного 'все, всё'. Ср.: пукс. дӱс соччис 'всё сгорело'; мыс. ставыс этатшӱм 'всё такое'; вк. Этӱкату сӱа быкӱб пыхтӱм 'Здесь она вся опухла'. Весь ныллӱз и зоннӱз волалисӱ 'Все парни и девушки приходили'. (О других диалектных особенностях местоимений см.: I, с. 180-182).

Глагол. Личные формы глагола в диалектах и говорах коми-пермяцкого языка отличаются разнообразием. В докладе мы остановимся лишь на тех, которые, с нашей точки зрения, представляют наибольший интерес.

В мысовском и верх-лупьинском диалектах северного наречия языка коми-пермяков формы 2-го л. мн. числа настоящего, будущего и прошедшего времени имеют окончания -анӱ, -инӱ (вм. лит. -атӱ, -итӱ): мыс. муниӱ (лит. мунитӱ) 'вы шли', мый нӱ тиӱ керанӱ (лит. кератӱ)? 'что же вы пишете?'; в.-л. мый ти нӱ гижанӱ? 'что же вы делаете?' Нуинӱ н'и? 'Уже вы отнесли?' Тӱ пыринӱ 'Вы зашли' и т. д.

Формант -инӱ вместо -итӱ в верх-лупьинском диалекте употребляется последовательно, а в речи молодых носителей мысовского говора изредка на месте -инӱ встречается -итӱ, напр., муниӱ и мунитӱ 'вы шли', пыринӱ и пыритӱ 'вы зашли'. Возможно, это результат влияния литературного языка.

Окончание -инӱ по своему происхождению, вероятно, является вторичным: -инӱ, -анӱ появились в результате влияния аналогичной формы 2-го л. ед. числа первого прошедшего времени, ср.:

	ед. ч.	мн. ч	
2 л.	тӱ вӱлин	ти вӱлинӱ	'ты был, вы были'
	тӱ бос'тин	ти бос'тинӱ	'ты взял, они взяли'

В какой-то степени аналогичное явление наблюдается в верхнекамском наречии, в говорах которого вспомогательный глагол вӱлны 'быть' в первом прошедшем времени по лицам не изменяется, ср.:

	вк.	нерд.	
1 л. ед. ч.	мӱ вӱлин	мӱ вӱли	'я был'
2 л.	тӱ вӱлин	тӱ вӱлин	'ты был'
3 л.	сиа вӱлин	сиа вӱли	'он был'
1 л. мн. ч.	ми вӱлинӱ	ми вӱлимӱ	'мы были'

2 л.	ти вöлинö	ти вöлитö	‘вы были’
3 л.	ниа вöлинö	ниа вöлисö	‘они были’

Ср. примеры в предложениях: Мэ öд'д'өн н'и ыджыт вöлин (лит. вöли) ‘Я уже очень большой был’. Мэ кыкөн ныллэс вöлинö (лит. вöлимö) ‘Мы две сестры были’. Но: Вот'ак вöли ‘Удмурт был’. Следует отметить, что вöли (3 л. ед. ч.) встречается в речи лишь в отдельных случаях. Форма мн. числа вöлинö имеет вариант вöлины, напр.: Гортын быкöб вöлины ‘Все дома были’.

Аналогичные формы могут образовываться и от самостоятельных глаголов. Ср.: вк. Можот с'ойанö сушкаэзсö? ‘Может быть, погрызете сушек?’ Мэ вот мый керин (лит. кери) ‘Я вот что сделал’. Мый д'э ти дыр уз'анö (лит. узятö)? ‘Что вы де долго не спите?’ (см. подробнее: I, с. 183-184, II, с. 140-141).

Изоглосса рассматриваемого явления идет с верховьев Камы (с территории Афанасьевского района Кировской обл.) — на север — в бассейн р. Сёйвы и Лупы — на Крайнем Севере Коми-Пермяцкого автономного округа (см. II, карту № 1 на с. 7).

В коми-пермяцком языке повсеместно окончанием 3-го л. мн. числа настоящего времени является -öны, но во многих говорах данный суффикс имеет варианты -öнö и -өн (<-öнö<-öны). Ср., например: аз. мөдөн (<мөдөнö<мөдöны) нөвöтны ‘хотят увезти’, вайөн (<вайöнö или вайöны) ‘несут’, но: ыстöнö ‘посылают’ и др.

Следует отметить, что в большинстве случаев употребляется окончание -öны, несколько реже — -öнö (<-öны) и изредка — өн. Усеченный вариант -өн характерен для оньковского и соседнего с ним нижеиньвенского диалектов (см. II, карты 1 и 17 на с. 7 и 138-139; и подробнее: I, с. 186-187).

В верхнекамском наречии наряду с -öны также нередко появляется вариант -öнö, ср.: Л'эчитöнö эд' ‘Лечат ведь’. Мэд с'ылöнö ‘Пусть поют’ и др. Суфф. -öнö(<-öны) — результат выравнивания гласных по ряду и подъему.

Отметим, что суфф. -öнö(<-öны) характерен для говоров зырянского лузско-летского диалекта. Вариативно он выступает также в нижевычегодском (см. ССКЗД, с. 479).

Итак, употребление варианта -öнö (<-öны) характерно для определенного ареала: изоглосса ведет с юга (с Прикамья) на северо-запад (на юго-западную оконечность территории Республики Коми) (см. II, карты № 1 и 17 на с. 7, 138-139).

В большинстве диалектов южного и северного наречий коми-пермяцкого языка, как и в литературном языке, за исключением большинства говоров северного косинско-камского диалекта и отдельных говоров южных диалектов, глаголы в форме 2-го и 3-го л. мн. ч. II прошедшего (неочевидного) времени имеют окончание -

о́мас': коч уйнытö кужöмас' 'плавать же умели', кöйиннэз öдöл'эйтлöмас' 'волки одолевали', татис'öс' вöлöм ас' 'здесь были' и т. п.

По форману II прошедшего времени -о́мас' диалекты коми-пермяцкого языка, включая литературный, представляют сравнительно единый ареал. Исключением является косинско-камский диалект, в большинстве говоров которого распространен вариант -öмöс'. Ср.: пукс. вöрын уз'öмöс' 'в лесу, оказывается, ночевали', н.-к. баитöмöс' пö 'говорят, разговаривали' и т. п. В некоторых говорах этого же диалекта изредка встречается литературный вариант -о́мас', а в отдельных южных говорах наблюдается вибрация формантов -о́мас' и -öмöс', ср. также вариант -өмас' в коми-язьвинском наречии: муно́мас' 'ушли, оказывается' гурзөмас' 'плакали, оказывается'.

Форманты -о́мас' и -öмöс' по своему происхождению являются вторичными и результатом разного вида стяжения соседних гласных: -о́мас' < -о́ма + öс' (выпала вторая гласная -ö); -öмöс' < -öма + öс' (выпала первая гласная -а) (см. подробнее: II, с. 143). Можно также предполагать, что форма на -öмöс' является результатом ассимиляции гласных смежных слогов, например: куртöмöс' < куртöмас' 'гребли (они), бос'тöмöс' < бос'тöмас' '(они) взяли, купили' и т. п. (ср. аналогичное явление: -öнö < -öны, см. II, с. 137, 143).

Отрицательная форма глаголов. В этой категории представляет интерес употребление отрицательной частицы глагола I прошедшего времени: в одних диалектах она имеет э-овую огласовку (эг, эн, эз), в других — и-овую (иг, ин, из). Отрицательная частица с и-овой огласовкой характерна для коми-язьвинского наречия, оньковского и соседнего с ним нижнеиньвенского диалектов южного наречия коми-пермяцкого языка.

И-овая огласовка отрицательных частиц является вторичной (и < *э). Ср. примеры: оньк., н.-и. иг (ин, из) гиж 'я (ты, он) не писал', иг(ö) (ид (ö), из (ö) муно 'мы (вы, они) не пошли'; кя. — в ед. числе иг (ин, из) вэ́л 'я (ты, он) не был', во мн. числе игö (иде) вэ́лö 'мы (вы) не были'; в 3 л. мн. числа — из вэ́лнис 'они не были' (Лыткин, 1961, с. 68-69) с кудымкарско-иньвенским: эг(эн, эз) вок 'я (ты, он) не пришел, эгö (эдö, эзö) воктö 'мы (вы, они) не пришли' и т. д. (см. подробнее: II, с. 144-145; III, с. III; IV, с. 109).

Отметим, что отрицательная частица с и-овой огласовкой употребляется также в ареале ижемского, удорского, вымского и в соседнем с ним нижневычегодском диалектах коми-зырян, занимая довольно компактную территорию на северо-западе и севере Республики Коми (см. II, карту № 17 на с. 138-139).

Таким образом, отрицательный глагол с и-овой огласовкой ныне распространен в трех изолированных диалектных ареалах: 1) на территории расселения коми-язьвинцев, 2) на юго-востоке Коми-Пермяцкого автономного округа, в бассейне притоков реки Иньвы — Доега и Исыла (см. II, карту № 17) и 3) на северо-западе и севере Республики Коми. Следует подчеркнуть, что в недалеком прошлом территория между оньковцами — представителями самого юго-восточного диалекта коми-пермяцкого языка и коми-язьвинцами, где теперь живут русские, до присоединения к Московскому государству была заселена пермяками, говорящими на промежуточных говорах, похожих на оньковский и коми-язьвинский диалекты. На это указывают и материалы рукописных словарей (см. подробнее: I, с. 8-9; II, с. 144, III, с. 5).

Инфинитивные формы. Инфинитив образуется с помощью суфф. -ны или -ыны и -нə или -инə. Суфф. -ны//ины характерен для диалектов и говоров трех наречий — южного, северного и верхнекамского, а также для коми-зырянских диалектов, а суффикс -нə//инə — для коми-язьвинского наречия, ср.: кп и вк. гижны 'писать', пуктыны 'положить'; кя. гижнə, пуктинə.

В оньковском диалекте и в большинстве говоров соседнего нижеиньвенского диалекта южного наречия коми-пермяков в форме инфинитива на -ыны конечное **ы** редуцируется и выпадает. В одних говорах это явление распространено довольно широко, в других — меньше. Ср.: оньк. вэтлын (вм. вэтлыны) 'сходить', кыскын (вм. кыскыны) 'тащить' и др. Конечное **ы**, как правило, сохраняется в конце фразы.

Случаи выпадения **ы** из суфф. -ыны имеют место также в среднеиньвенском и в ряде других говоров кудымкарско-иньвенского диалекта южного наречия.

Центром рассматриваемой инновации -ыны>-ын является территория оньковского диалекта и большей части нижеиньвенского диалекта. Следует отметить, что в окраинных говорах (в тукачевском и тиминском) нижеиньвенского диалекта конечное **ы** в инфинитивных формах на -ыны сохраняется.

Отметим, что в этом же регионе выпадение конечного **ы** имеет место и в формах 3-го л. мн. числа настоящего времени: купкӧччӧн (вм. купкӧччӧны) 'кудахчут', вэрдӧн (вм. вэрдӧны) 'кормят', но: вэӧччӧны шкоаын 'учатся в школе', н'ан' вузаӧны 'хлеб продают' и др.

Выпадение конечного **ы** из глагольных суфф. -ыны и -ӧны — результат редукции конечного гласного слова в потоке речи.

В диалектах коми-зырянского языка подобное явление не отмечено (см. I, с. 188-191; II, с. 146-147; III, с. 121; IV, с. 115-116).

Причастия во всех диалектах образуются от глагольных основ с помощью суфф. -ис', -ан, -ом, -тём, все эти суффиксы весьма продуктивны. Заметим, что в окраинных северных пермяцких говорах и верхнекамском наречии суфф. -ис' имеет вариант -ыс', который встречается довольно редко: мыс. корыс' 'просящий, гóрис' 'пашущий' (ср. кз. корысь, гóрысь); в.-л. муныс' 'идуший'; вк. тóдыс' морт 'знающий человек'; напр., ср.-и. гóран му 'земля, предназначенная для пахоты', шоччисьбóm коста 'во время отдыха', выд'д'ытóm кн'ига 'непрочитанная книга' и др. (см. I, стр. 192; II, с. 147-146).

Деепричастия. Обращаем внимание лишь на два суффикса, имеющих специфику в диалектах разных наречий: 1) -икö//-ик; игön//-иг; -ки//-ик; 2) -төн//төн'.

Суфф. деепричастий -икö//-ик (обозначает дополнительное действие, протекающее одновременно с главным) широко употребителен в диалектах южного наречия коми-пермяков. Примеры: Кóдзикö воввисö 'Они приезжали во время сева', муникö 'во время ходьбы', сёикö 'во время еды' и т. д. Деепричастия на -икö (мыс., в.-л. -игö) в северных диалектах (по сравнению с южными) мало употребительны: чаще всего они употребляются в окраинных говорах косинско-камского диалекта — в пуксибском и исаевском, а также в мысовском и верх-лупьинском диалектах, напр.: пукс. миан быдмикö 'во время нашего детства'; ис. тас'ан' муникö 'уходя отсюда'; мыс. вóрын уджалигö 'работая в лесу'; в.-л. онöй пэтс'ис пукалигам 'сидя мне спать захотелось и др.

Заметим, что деепричастия с формантом игö//-иг в коми-пермяцком языке имеют место только в мысовском и верх-лупьинском диалектах — в самых северных (см. I, с. 191-192, II, с. 150 и карту № 18). Следует отметить, что суфф. -игö и его варианты характерны для ареала коми-зырянских диалектов (см. подробнее: II, с. 150-154).

На территории верхнекамского наречия функционирует суфф. -икön//-икын, (ср. варианты -икö//-ик): Кировö муникön 'во время поездки в Киров', Адзлзисö самогон пуикön 'Застали во время варки самогона' и др. (см. I, с. 190, II, с. 150).

В ареале коми-язьвинского наречия аналогичные деепричастия образуются с помощью суфф. -ки//-ик: мунки 'когда шел, идучи', с'уйки 'когда ел, во время еды' и т. д. Данная морфема -ки//-ик нигде больше не встречается, следовательно, ареал ее употребления

ограничен территорией населения красновишерских пермяков (см. II, карту № 18 на с. 150-151).

Во многих говорах северного наречия широкое употребление имеют деепричастия на -тён, которые по своему значению близки к деепричастиям на -икö: коч. кол'ччат уз'тён 'останетесь спящими (букв. когда спите)'; пукс. каимö горзытён 'шли со слезами (букв. плача)' и др.

В одних говорах диалектов южного наречия деепричастия на -тён имеют твердый вариант, в других — мягкий, оканчиваются на -тён'. Например: н.-и. гортын овтён 'живя дома', но: куд. с'ывтён кайö 'едет с песнями' и т. д. (см. I, с. 192, карту № 11 на с. 188).

Словообразование глаголов. В коми-пермяцких диалектах встречаются некоторые различия в употреблении суфф. -ал(л), -ылл, -с'//-ас', а также суффиксов -м (-мм-), -ört, -ырт, -öt (см. об этом: I, с. 192-193).

Займствование глаголов. В коми-пермяцких говорах встречается немало заимствованных глаголов и производных от них исконных слов (по типу образования и спряжения коми-пермяцких и русских глаголов). Например: б.-к. пин' н'э с'ойавайэт 'зуб не берет'; пел. д'эрнос'алас 'покроется дерном'; лев. рад'ийот мианös 'уважает нас' и др. Особенно много заимствованных глаголов употребляется в верхнекамском наречии: Колö ва начерпать 'Надо воду начерпать'. Кык-наннys полимö ехать-то 'Мы оба боялись ехать-то'. Кытён мол быть 'Где, мол, быть' и др.

Употребляются не только русские инфинитивы, но и личные формы глаголов: Ме учительницаэзös уважала 'Я учительниц уважала'. Мед по телефону позвонит. 'Пусть по телефону позвонит'. Сiа приехана. 'Она приехала'. И т. д. Займствования подобного типа без морфологического усвоения стали возможны только в условиях двуязычия.

Наречия. В диалектах языка коми-пермяков встречается большое количество фонетических вариантов одних и тех же наречий, что позволяет выяснить пути образования отдельных наречий, считающихся с синхронной точки зрения неразложимыми по своему составу. Например, наречия этчин 'там', этчö 'сюда' (лит. формы) и т. п. в северных говорах имеют следующие варианты: лев. этачын с'окла 'там свекла', этаччö 'вот сюда' и др.; н.-к. эччö 'вот сюда'; пукс. эччинис' и эс'чиныс' 'оттуда'; ис. эччин' и этчин' 'там, вот там' и др. (см. подробнее: I, с. 194-196). Более или менее четко здесь выделяются падежные формы местного (-ын, -ин, -ин, -ан), вступи-

тельного (-ö), исходного (-ис', -ыс') и переходного (-ти) падежей — это сохранившиеся следы склонения, свойственного именам.

Данные наречия произошли от местоименных основ. В северных диалектах выделяются наречия с основой на эс-, ср.: лев. эс'чö 'сюда, на это место', эсчö 'то же'; н.-к. эс'чин 'там, вон там'; эс'чиныс' 'оттуда'; чур. эсти 'вот здесь'; ис. эсти 'здесь, по этому месту'. В южных диалектах из наречий с основой на эс- употребляются лишь эсти 'здесь', эстөн 'тут, здесь'.

Наречия этачын (лев.) 'там', этаччö 'вот сюда'; ис. этчинын 'там', этати 'по этому месту'; в.-л. этчан и эччан' (этчан' < этс'ан') 'там'; пукс. эччинис' < (<этчинис') 'оттуда'; н.-к. эччö (<этчö) 'вот сюда, на это место' — имеют основу эт(а)-, поскольку в большинстве коми-пермяцких диалектов звук т ассимилируется последующим ч (см. I, с. 61). Это фонетическое явление отразилось и на наречиях.

Более прозрачна структура рассматриваемых наречий в коми-зырянских диалектах. Ср.: эстьчань (скр.), эсчань (Бог. вв.), вым., печ., сс., этчань (Л. Об), этчень (Л. Пор) 'туда', этатчы (иж., нв.), этчы (Л. Пор.) и т. д. (см. ССКЗД, с. 448-449).

Большая часть наречий, употребляющихся в диалектах, произошла от существительных, прилагательных, числительных и местоимений. Примеры: 1) от имен существительных: коч. ыллаас 'на улице'; ис. тöнын (лит. төн) 'вчера'; в.-л. го́жумöн 'летом', лунын 'днем'; 2) от прилагательных: коч. га́жажык 'более весело'; ёна 'крепко'; лев. чо́жжык 'быстрее'; ис. бо́дëра 'красиво'; 3) наречия от числительных: коч. öтчид 'один раз'; в.-л. муко́дчид 'иногда', мо́дног 'иначе, по-иному'; 4) от местоимений: пет. толын 'завтра'; чаз. тало 'в этом году'; чур. тась 'отсюда'; гаин. та́дз 'так'; в.-л. та́дзи 'так'; мыс. ети́сянь 'с этого места' и др.

Отметим, что в речи верхнекамцев (кировских пермяков) употребительны своеобразные наречия, отличающиеся не только своим фонетическим обликом, но и по своей структуре и специфике, с точки зрения коми-пермяцкого литературного языка: ша́ня 'хорошо', ко́нкö оло́ 'где-то живет', ми эсь-ту 'мы так-ту', миан э́дз жо́ 'у нас так же', вот э́тика-ту 'вот здесь', унаго́м 'многовато', чао́т (<часо́т) 'сейчас', э́зика пришлось 'так пришлось', ранаго́м 'рановато', кы́зь верди́ 'как я накормил'.

Состав наречий в говорах южных диалектов в основном одинаков, но некоторые из них (по говорам) имеют специфическую форму, ср.: в азовском говоре — э́сто́нö (лит. э́сто́н) 'здесь', та́то́нö (лит. та́то́н) 'здесь', н'э́кудыр (лит. не́ко́р) 'никогда', э́та́то́н (лит. та́то́н) 'здесь', сэс' (лит. э́си́сь) 'оттуда', сы́кта (лит. сэ́к) 'тогда', ко́ркö (лит. ко́ркö) 'когда-то'; в тиминском — э́с'си́н' (лит. э́тчин) 'там', мо́ля

(лит. мыля) 'почему', с'с'ин' (лит. сэтчин) 'там', кытöнас (лит. кытөн) 'где' и т. д. (см. подробнее: I, с. 196-197).

В диалектах южного наречия языка коми-пермяков разряд наречий пополняется за счет существительных во внешнеместных падежных формах с окончания и -вын, -лын и -вöдз, -лöдз (внешнеместного и внешнеместного предельного падежей): вунвын — лунлын 'на юге', ойвын — ойлын 'на севере', арвöдз — арлöдз 'до осени', гожумвöдз — гожумлöдз 'до лета'.

О специфических особенностях некоторых наречий нердвинского диалекта см. подробнее: I, с. 196.

Служебные слова

Послелог. Современная развитая система послелогов коми-пермяцкого языка является относительно поздним явлением. По происхождению послелогичаще всего являются падежными формами имен.

По соотносительности корневых элементов послелогичможно разделить на две группы: серийные (которые входят в серию послелогов, образованных от тождественного корня) и несерийные (одиночные).

К первой группе в коми-пермяцких диалектах относятся следующие послелогич(примеры приведены в северном варианте): 1. с основой на выл- (вылын, вылö, вылсь, вылöt, вылöдз); 2. с основой на дын- (дынын, дынö, дынсь, дынöt, дынöдз); 3. с основой на дор- (дорын, дорö, дорись, дорöt, дорöдз); 4. с основой на сай- (сайын, сайö, са — йись, сайöt, сайöдз); 5. с основой на ул- (улын, улö, улсь, улöt, улöдз), далее — с основой на берд-, бөр-, йыл-, орд-, пытшк-, сьör-, одз-, гөгör-, колас-, весът-, шör- (см. подробнее: I, с. 198; III, с. 133-135; IV, с. 127-136).

Большинство существительных, лежащих в основе перечисленных выше серийных послелогов (выл, дын(дін), дор, берд, сай, бөр, одз, гөгör, колас, шör), функционируют в диалектах как самостоятельные слова. Основы ул-, сьör-, весът- встречаются в составе производных слов или в сочетаниях слов, например: керку улт 'фундамент дома', ай сьör 'похожий на отца', горт весът 'место над (перед, вблизи) родным домом'.

Структура серийных послелогов довольно прозрачна. Застывшие падежные формы -ын, -ö, -ись (-ісь), -öt и -öдз — составные части серийных послелогов — являются суффиксами функционирующих ныне групп местных падежей (местного, вступительного, исходного, переходного и предельного). Эти формы местных падежей выполняют функции послелогов. Но в послелогичмогут перейти не только имена, употребляющиеся в этих местных падежах, но и

некоторые слова, стоящие в форме творительного падежа (Мунисö ю пöлөн 'Шли вдоль реки'; Горзöм сорөн 'Со слезами'), отдалительного (Мöд боксянь 'С другой стороны', Вөр сайсянь мыччисис 'Показался из-за леса').

В коми-пермяцких диалектах наблюдается процесс и обратного характера — переход послелогов в падежные формы, что привело к увеличению числа местных падежей (см. I, с. 1336-141; II, с. 91-100; III, с. 81-83; IV, с. 74-78).

К несерийным послелогам относятся: паныт (тöв паныт 'против ветра'), пасьта (аршын пасьта 'шири-ной с аршин'), понись (зэр понись 'из-за дождя'), далее — пöлөн, пыр, дырна, дыра, бөрті, кежö и кеж, кежын, коста и костын, одзті, сьөрна, кодь, моз, нёж, кузя, бж-да, ног, сьөрті, понда (пондаись, понна), могись, туйö, увья и улья, етш, сьөрья, сувда (суда), вылья, киня, вöсна, шогья, пинь-ди(<пыньди), пöлсөн и пöвсөн (см. подробнее: I, с. 199).

Большинство послелогов употребляется во всех диалектах коми-пермяцкого языка, но некоторые из них встречаются лишь в окраинных говорах северного наречия, в том числе — в верхнекамском наречии, или же свойственны лишь ряду диалектов, т. е. имеют определенное территориально-ограниченное распространение. Так, послелог пиньди встречается в пельимском, чазевском, пуксибском говорах и в мысовском и верх-лупьинском диалектах (ср. тэ пиньди 'вместо тебя' — лит. тэ туйö); в верхнекамском наречии вариант пыдди<пыньди: помело пыдди 'вместо веника'; в оньковском — Зэр пыдди куртын оз туй 'Из-за дождя грести нельзя'; ср. также в коми-язвинском: пөдни (<пөнди) (Зон пөдни ачис мунис 'Вместо сына сам ушел').

Послелог киня встречается в пельимском говоре кочевского диалекта (Кочаланяс татись киня богатжыкöсь вöллисö 'В кочевой стороне по сравнению со здешними богаче были'), в гаинском и исаевском говорах косинско-камского диалекта (ачыс том киня том 'сам он из молодых (очень молод)').

Послелог ног и вöсна зафиксированы лишь в верх-лупьинском диалекте северного наречия: мöд ног 'иначе, по-другому'; сякöй ног 'по-всякому'; сы вöсна и босьтісö 'за него и взяли'. Эти послелогии широко употребительны в диалектах коми-зырянского языка.

О других специфических послелогах см.: I, с. 200-201.

Частицы. Наибольший интерес представляют частицы, употребляющиеся в северных диалектах. К наиболее часто употребляющимся относятся: пö (пэ), тай, эд и эдöсь, абу, не, ни, жö, -тö, и, а, бы, да, язь и разь, гладь, öгладь, мед, шуч, тусь, круг, бат, кө, на,

онö, -то, -ту, я, нин. Некоторые из них заимствованы из русского языка, например: эд 'ведь', не, жö 'же', или, да, öгладь, круг, -ту, бы и т. д. Большинство из приведенных частиц встречается и в других диалектах (напр., в южных) и в литературном языке.

Частица нин характерна для мысовского и верх-лупьинского диалектов: мыс. Локтöны нин куканнес 'Уже телята идут'; в.-л. Пöрьсь нин 'Уже стар'. Виа нин бур 'Уж очень хорошо'.

Частица пэ (вариант пö) встречается лишь в верх-лупьинском наряду с пö: Шуö пэ лок пэ 'Говорит, мол, приходи', Абу пэ 'Говорят, нет', но: Мед пö ловья 'Пусть, говорят, живой'.

Частица мед в значении 'пусть' (ср. лит. ась) характерна для северных диалектов и верхнекамского наречия: чур. Мед сiа дынам олö 'Пусть она при мне будет'; гаин. Мед мися и кулö 'Пусть, думаю, и умрет'; мыс. Мед локтас, мед пырас 'Пусть придет, пусть заходит'; вк. Мед көть олöны 'Пусть хотя будут живы'.

В говорах диалектов северного наречия часто встречаются частицы: гладь (öгладь), тусь, шуч, круг, бат (см. примеры: I, с. 202). Частицы гладь, шуч, тусь, круг по своей семантике близки к наречиям.

Отметим, что частица да всегда стоит в конце предложения: б.-к. Ог лысь да 'Не смею да'. Гожумыс тай кольö да 'Лето-то вот подходит да'.

В верхнекамском наречии в основном употребляются те же частицы, что и в остальных диалектах, только некоторые из них имеют свои индивидуальные фонетические особенности. Ср.: абы(абу) 'нет', абöсь<абуöсь 'нет, не имеются'; частица ле (вм. ли), де (русс. диал): по радио ле 'по радио ли', мый уна ле? 'что много ли?' Ветлы де, видзöt де места де 'Сходи, мол, посмотреть место'. Государство мед де мынтö 'Пусть де государство платит'. И т. д.

Для нердвинского диалекта характерно употребление специфической частицы но (нö, на) в значении вводного слова шуа или мися, мися, мыша (н.-и., оньк.) и т. п. 'мол, думаю, говорю': Кыкön но мунöны 'Вдвоем, мол, едут'. Поли жö, шогалны но опеть пона 'Я боялся же опять, думаю, заболел'. Эта частица употребляется также в юсьвинском и мелюхинском говорах кудымкарско-иньвенского диалекта.

Союзы. Количество союзов в коми-пермяцких диалектах невелико, так как в устной речи преобладают простые предложения, а среди сложных — бессоюзные сложные предложения. Имеющиеся союзы разделяются на две группы — на сочинительные и подчинительные.

Наиболее употребительны из сочинительных союзов: а ‘а, вот, но’, и ‘и’, да ‘да’, но ‘а’, но ‘но’. Менее употребительны союзы: ли-ли ‘ли-ли’, или или ‘или-или’, не-не ‘ни-ни’, нето-нето ‘не то-не то’, али-али ‘либо-либо’, то ли-то ли ‘либо-либо’; я ‘ли’.

В некоторых говорах наблюдается неоднократное употребление союза да после однородных членов в предложении: чур. Вөррез да нюррез да и вёлсё да ‘Леса да болота да и были да’; лев. Тшаккез да ягёддэз да ёкта ‘Грибы да ягоды да собираю’.

Союз да часто употребляется и вместо союза но в значении противопоставления, напр.: юкс. Мунисё мамыскёт куртны, да сё эз локтё ‘Ушли с матерью грести, но все еще не вернулись’; чур. Мужик сайё ветліс, да эз удайчы олны ‘Замуж (она) выходила, но жизнь не удалась’; в.-л. Ме адздылі жё, да ог нин тёд ‘Я видел же, но уже не помню’.

В диалектах употребительны следующие подчинительные союзы: а ‘между тем, как’, да ‘так как, поэтому’, кө, көбы ‘если’, көть ‘хотя’, мед, медбы ‘чтобы’, мый ‘что’, кыз(и) ‘как’, көр и кор ‘когда’, дак ‘если’, мыля ‘почему’, есьли ‘если’, потому што и др. Союзы што, есьли ‘если’, потому што, көть ‘хотя’, көбы заимствованы из русского языка. Примеры: Менё кө курчёлтасё, дак ме ог ни вермы узыны ‘Если меня искушают (комары), то я уже не смогу заснуть’; пел. Кёбы гырись юэз вёлсё, дак сія тёлйис ‘Если были бы крупные реки, то она (лебедь) перезимовала бы’.

Как и в литературном языке, в диалектах в роли подчинительных союзов используются относительные местоимения и наречия, которые принято называть союзными словами. К ним относятся: кытшом ‘ка-кой’, кыным ‘сколько’, көдіа ‘который’, мый ‘что’, кытён ‘где’, көр ‘когда’ и др. Кроме одиночных союзов, имеются и парные союзы ли-ли, и-и, не-не, ни-ни, да-да, нето-нето, то ли-то ли. Например: юкс. Но ось ли мый ли ыбёссё ‘Ну, открой, что ли, дверь-то’; пукс. Порсыслё и мёсыслё и, куканьыслё и — дёс колё. ‘Свинье-то и корове-то и, теленку-то и — все надо’; пел. Не турун ытшкыны, не гёрны оз позь ‘Ни травы косить, ни вспахать нельзя’; чур. То ли онмёссылі, то ли садьтём вёлі ‘Или заснул, или без сознания был я’.

Представляют интерес парные союзы: кыз, сідз ‘так, как’, кысянь-сысянь ‘откуда, оттуда’, кытён, сэтён ‘где, там’; дак, мед, и кыз, -дак, көбы-дак, көть-дак, көр-дак. Второй компонент данных парных союзов — дак может стоять как в конце придаточного предложения, так и в начале главного (Подробнее см.: I, с. 203-206; III, с. 142-145; IV, с. 148-150).

Фронтальное исследование разговорной речи коми-пермяков позволило выявить не только новые диалектные явления в области фонетики, морфологии и синтаксиса, но и удалось собрать богатый лексический материал, позволивший впервые составить картотеку для солидного словаря не только на основе данных литературных и фольклорных произведений, но и появилась возможность использовать диалектную лексику, имевшуюся в нашем распоряжении; лексический материал введен в словник словаря под пометками: иньв. (т. е. южное) и сев. (северное).

Составление (в соавторстве с А. С. Кривошековой-Гантман) первого самого полного за последние 130 лет двуязычного словаря современного литературного коми-пермяцкого языка — «Коми-пермяцко-русского словаря» (М., 1985, 83 а. л.), содержащего 27 тыс. словарных статей, а также (с тем же соавтором) — «Коми-пермяцкого орфографического словаря» (1-е издание — 17 тыс. слов, Кудымкар, 1966; 2-е издание — 20 тыс. слов, там же, 1992) явилось значительным вкладом в функционирование и стабилизацию норм литературного коми-пермяцкого языка.

Вопросы изучения коми-пермяцких диалектов нашли отражение в статьях, докладах автора и обсуждениях на ряде научно-практических конференций и лекций в Коми-Пермяцком автономном округе и в Перми.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате фронтального исследования диалектов языка коми-пермяков конкретизирована и упорядочена на научной основе классификация диалектов коми-пермяцкого языка. В научный оборот введены новейшие диалектные данные, свидетельствующие о путях развития диалектной системы коми-пермяцкого языка.

В области фонетики выявлен ряд новых явлений, неизвестных ранее в пермистике: о сужении позиций звука $v > v^{\circ} > \ddot{y} > \ddot{y}^{\circ} > \emptyset$, а также звуков **й** и **з** в определенных позициях: $\ddot{y} > \ddot{y}^{\circ} > \emptyset$

Дана более четкая градация диалектов по употреблению звуков **л-в**; на основе этого признака разделены коми-пермяцкие и коми-зырянские диалекты (ранее они рассматривались как единая система «единого» языка); в коми-пермяцком языке впервые выявлен новый тип диалекта по употреблению **л-в** — нуль-эловый, или безвэловый (в котором звук **в** утратил фонематическую роль и является ныне вариантом звука **л**). На основе анализа и сравнения новых диалектных данных удалось показать, что язык красновишерских пермяков по системе ударения, по ряду морфологических и лексических особен-

ностей близко примыкает к оньковскому и нижеиньвенскому диалектам южного наречия языка коми-пермяков.

В системе ударения коми-пермяцкого языка также выявлены новейшие тенденции в развитии процессов морфологизации в диалектах с качественно-вокальной системой ударения: в настоящее время они находятся на разных ступенях развития.

До недавнего времени считалось, что морфологизированное ударение характерно лишь кудымкарско-иньвенскому диалекту и нердвинскому, а в северных диалектах предполагалось сохранение более древнего состояния ударения — на первом слоге — типа коми-зырянского.

В результате наших исследований выявлено, что процессы морфологизации ударения также действуют на всей территории северного наречия, в том числе и в верхнекамском наречии: в одних диалектах (как в кочёвском) морфологизация ударения находится в стадии завершения, в других — на разных этапах развития.

На основе обширного диалектного материала конкретизированы и детализированы этапы трансформации суфф. мн. числа -йэз>-эз. Впервые выявлен вариант суфф. мн. числа -э, свойственный пелымскому говору кочёвского диалекта. Вариант -э<-эз появляется и в ряде северо-западных говоров кудымкарско-иньвенского диалекта (в интервокальной позиции, перед лично-притяжательными суффиксами), т. е. в именах существительных на гласную основу.

В результате разрушения серийных послелогов с основой на выв- (в иньвенских диалектах) и выл- (во всех эловых диалектах, в том числе и в языке кировских пермяков) в языке формируется система внешнеместных падежей; в одних она уже оформилась, в других находится на разных стадиях развития.

Вопреки существовавшему мнению о том, что в эловых диалектах послелого с основой на выл- (вылын, вылө, вылсь, вылөт, вылөдз) сохраняются, позднейшие исследования позволили выявить, что процесс образования новой серии местных падежей — внешнеместных падежей действует в той или иной степени на всей территории Коми-Пермяцкого автономного округа и в Верхнем Прикамье.

Нами зафиксирована еще одна новая падежная форма, также послеложного происхождения — внешнеместный достигательный с падежным окончанием -ви (-лі), напр.: кос — косви 'поясница — до поясницы', голя — голяви 'шея — до шеи'.

Падежная система нижеиньвенского и оньковского диалектов расширяется за счет развития новой серии местных падежей — приблизительно-местных. Данная серия формируется за счет разрушения системы серийных послелогов с основой на дын- и орд- — в ре-

зультате редукции, сокращения слогов и трансформации в падежные суффиксы. Процесс сокращения двух серий послелогов с разными основами привел к образованию единой серии падежных окончаний с одинаковыми приблизительно-местными значениями.

Интересные наблюдения и детали впервые зафиксированы в разделах: имя существительное, имя прилагательное, числительное, местоимение, глагол, наречие и служебные слова.

Большинство новейших явлений, свойственных только коми-пермяцкому языку, свидетельствует о самостоятельном пути развития диалектной системы языка коми-пермяков в целом.

Методами ареального исследования выявлены отдельные изоглоссные явления в области фонетики и морфологии на обширной территории распространения коми-зырянского и коми-пермяцкого языков с учетом данных по языку коми-язьвинских и верхнекамских пермяков; очерчены зоны возникновения инноваций и «центры» языковых явлений, прослеживаются (по мере возможности) пути и темпы их распространения.

Монографии:

1. Коми-пермяцкая диалектология. М., «Наука», 1975 - 252 с.
2. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми языки). М., «Наука», 1982. - 164 с.
3. Коми-пермяцко-русский словарь (в соавторстве с А. С. Кривошековой-Гантман). М., «Русский язык», 1985.-624 с.
4. Унифицированное описание диалектов уральских языков. Оньковский диалект коми-пермяцкого языка. М., 1990 - 204 с.; факс. изд. Москва-Гамбург, 1991.
5. Унифицированное описание диалектов уральских языков. Нижнеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка. Гамбург, 1995 - 200 с.

Статьи и тезисы

6. Фонетические особенности оньковского диалекта коми-пермяцкого языка.//Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР, № 7. Сыктывкар, 1962 - 1 а.л.
7. Краткий справочник по заимствованным словам и диалектной лексике коми-пермяцкого языка. Брошюра. Кудымкар, 1962. - 3 а.л.
8. Некоторые морфологические особенности оньковского диалекта коми-пермяцкого языка.// Вопросы финно-угорского языкознания. Л., «Наука», 1964. - 0,4 а.л.
9. О некоторых особенностях зюздинского диалекта коми-пермяцкого языка.//Всесоюзная конференция по финно-угроведению. Тезисы докладов и сообщений. Сыктывкар, 1965 - 0,3 а.л.
10. Краткая программа по собиранию сведений о коми-пермяцких диалектах. Брошюра. М., «Наука», 1966. - 48 с.
11. Пермские языки.//Советское языкознание за 50 лет. М., «Наука» 1967. - с. 227-231.
12. О фонологической роли ударения (на материале пермских языков).//ж. «Наш край», № 4, Кудымкар, 1970 - 0,6 а.л.
13. Роль периферийных диалектов в изучении истории развития языка.//Всесоюзная конференция финно-угроведов. Тезисы докладов и сообщений. Саранск, 1970, - 0,2 а.л.
14. О некоторых фонетических и морфологических особенностях периферийных диалектов коми языков.//ж. «СФУ», № 2, Таллин, 1974. - 0.5 а.л.

15. О соотношении внутренних и внешних тенденций в развитии языка (по диалектным данным). Тезисы. Всесоюзная конференция финно-угроведов. Петрозаводск, 1974. - 0,2.
16. К вопросу о классификации коми-пермяцких диалектов.//Congressus Tertius Internationalis Fenno-Ugristarum Tallinae habitus 17-23 VIII 1970. - Tallinn, "Valgus", 1975. Pars 1. - 0,3.
17. К проблеме неравномерности развития языковых явлений (на материале коми языков).//Вопросы финно-угроведения, вып. VI. Саранск, 1975, с. 26-32.
18. Судьба звука й и ее последствия в коми языках.//Тезисы XV-й Всесоюзной конференции финно-угроведов. Сыктывкар, 1979. - 0,2.
19. Ареалы возникновения позднейших фонетических явлений (на материале пермских языков).//В книге "Congressus Quitus Internationalis Fenno-Ugristarum, Turku, 1980. - 0,4.
20. Некоторые общие тенденции ассимилятивных явлений в ареале пермских языков.//Шестой Международный Конгресс финно-угроведов. Тезисы. Языкознание, т.1, Сыктывкар, 1985. - с. 8.
21. О трансформации формантов внешнеместных падежей.//Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum. Debrecen 27.-2.IX. 1990// Sessiones Plenares et Simposia. ...I. B. - Debrecen, 1990. - 0,4.
22. Пермские языки.//В кн. «Языки мира. Уральские языки». М., «Наука», 1993. - с. 209-214.
23. Коми-зырянский язык.//В кн. «Языки мира. Уральские языки». М., 1993. - с. 214-229.
24. Коми-пермяцкий язык.//В кн. «Языки мира. Уральские языки». М. «Наука», 1993. - с. 229-239.

*Публикации, частично затрагивающие
тему диссертации*

25. Фонетическое и морфологическое оформление русских заимствований в коми-пермяцком языке. Брошюра (В помощь учителю). Кудымкар, 1962. - 45 с.
26. Вопросы лексики новых памятников письменности коми-пермяцкого языка.//Тезисы докладов и сообщений к Всесоюзной конференции по вопросам финно-угорского языкознания. Ужгород, 1963. - 0,2.
27. Коми-пермяцкий орфографический словарь (в соавторстве с А. С. Кривошековой-Гантман), 1-е изд. Кудымкар, 1966 - 220 с.

(17 тыс. слов); 2-е изд., Кудымкар, 1992. - 217 с. (20 тыс. слов).

28. Зорамö али оз коми-пермяцкöй кыв? 'Развивается ли коми-пермяцкий язык?'//ж. «Иньва», Кудымкар, 1968. - с. 92-98.

29. К вопросу о развитии категории уменьшительности (на материале пермских языков).// «Ученые записки Пермского гос. пединститута». Пермь, 1969. - 0,5 а.л.

30. Коми-пермяцкöй кыв (синтаксис) - для 7-8 классов (в соавторстве с А. С. Кривошековой-Гантман). Кудымкар, 1974. - 9 а.л.

31. Статьи: «Коми языки», «Коми-зырянский язык», «Коми-пермяцкий язык».// Лингвистический энциклопедический словарь. М., "Советская энциклопедия", 1990. - с. 232.

32. О месте коми-пермяцкого языка среди языков финно-угорских народов и его специфических особенностях.//В кн. «Коми-пермяки и финно-угорский мир». Кудымкар, 1998. - 0,7 а.л.

33. Коми-пермяцко-русский словарь в соавторстве с А.С.Кривошековой-Гантман .М.,1985, - 624 с.

Пермские языки:

к., кз. - коми-зырянский язык
к.-п., кп. - коми-пермяцкий язык
удм. - удмуртский язык

Наречия коми-пермяцкого языка:

в.-к., вк. - верхнекамское наречие
к.-я., кя. - коми-язьвинское наречие
сев. - северное наречие
ю., южн. - южное наречие

Северное наречие, диалекты и говоры:

Кочевский (коч.) диалект

б.-к. - большекочинский говор
пел. - пелымский говор
пет. - петуховский говор

Косинско-камский диалект

гаин. - гаинский говор
ис. - исаевский говор
лев. - леичанский говор
н.-кос. - нижнекосинский говор
пукс. - пуксибский говор
чур. - чураковский говор
юкс. - юксеевский говор

Верх-лупьинский диалект

Мысовский диалект

Южное наречие, диалекты и говоры:

Кудымкарско-иньвенский диалект (к.-и., ки.):

в.-и., ви. - верх-иньвенский говор
егор. - егоровский говор
иньв. - иньвенский и иньвенские диалекты (вэовые)
кув. - кувинский говор
куд. - кудымкарский говор
лоп. - лопанский говор
сам. - самковский говор
ср.-и. - среднеиньвенский говор

Нижнеиньвенский диалект:

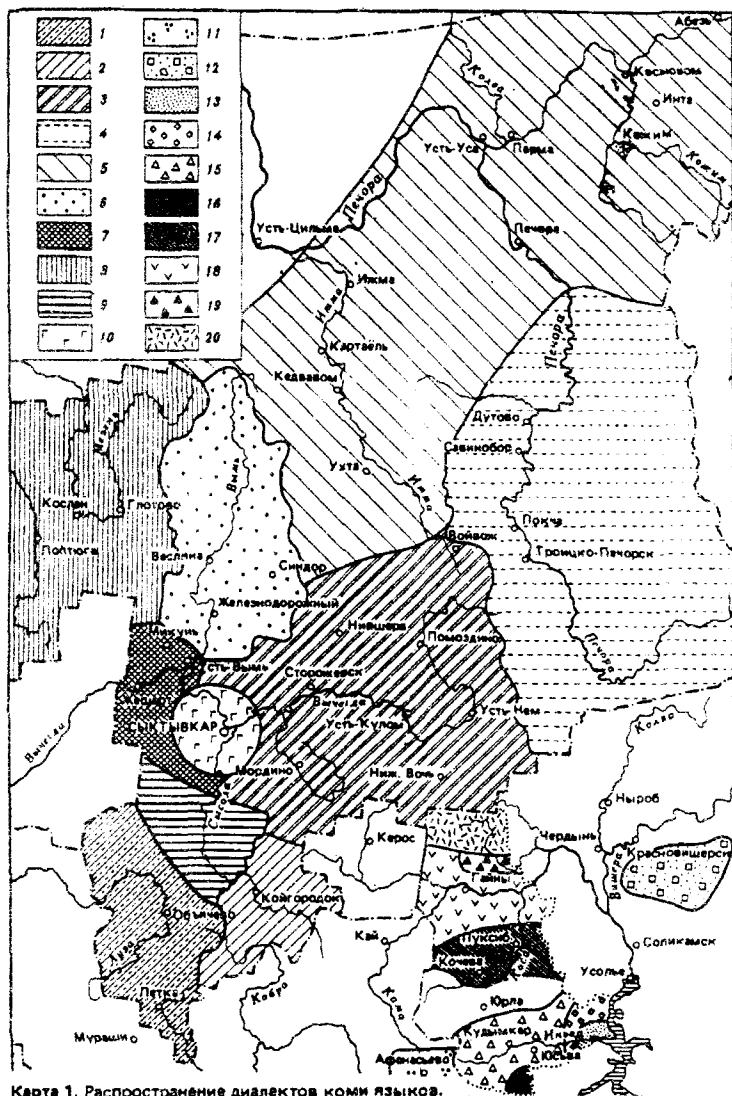
аз. - азовский говор
акс. - аксеновский говор
доег. - доеговский говор
крох. - крохалевский говор
тим. - тиминский говор
тук. - тукачевский говор

Нердвинский диалект

Оньковский диалект

Диалекты коми-зырянского языка:

вв. - верхневычегодский диалект
вс. - верхнесысольский диалект
вым. - вымский диалект
иж. - ижемский диалект
л/лл. - лузско-летский диалект
нв. - нижневычегодский диалект
печ. - печорский диалект
скр. - присыктывкарский диалект
сс. - среднесысольский диалект



Карта 1. Распространение диалектов коми языков.

I. Диалекты коми-зырянского языка: 1. — пузско-петский, 2 — верхнесольский, 3 — верхневыхгодский, 4 — печорский, 5 — ижмемский, 6 — вымский, 7 — нижневыхгодский, 8 — удорский, 9 — среднесольский, 10 — присыктывкарский.

II. Наречия и диалекты коми-пермяцкого языка: 11 — верхнекамское, 12 — коми-язывинское, 13 — оныковский, 14 — нижнеиньвенский, 15 — кудымкарско-иньвенский, 16 — нердвинский, 17 — кочевский, 18 — косинско-камский, 19 — мысовский, 20 — верх-пулымский.

Типография ООО «Агент». Москва, проезд Серебрякова 14/1.
телефон 187-09-18
Тираж 100 экз. Заказ №347